

Дорогому Юсипу омъ
Брану - автору -
В. Фигесъ.

КРИТИКА

ФЕНОМЕНАЛИЗМА

БРЯНСКЪ.
Типографія А. Ітина.
1905.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Должны ли естественные науки принимать во внимание результаты философского мышления? До сих поръ вліяніе было главнымъ образомъ обратное. Философи прошлаго вѣка пользовались выводами физическихъ наукъ и самые общіе принципы возводили на степень философскихъ постулатовъ. Если не считать Декарта и Спинозу, еще стоявшихъ отчасти на почвѣ схоластики, а также Лейбница, къ тому еще метафизического фантазера, то современная критическая философія, давшая неоспоримыя истины, начинается съ Локка и, достигая черезъ Юма высшей точки въ Кантѣ, кончается Попенгауеромъ съ его „Четвертымъ корнемъ закона достаточного основанія“, представляющимъ истинное и единственное разрушение всякой схоластики, ибо послѣдняя состоитъ именно въ смѣщеніи основанія познанія съ основаніемъ бытія. Нашъ вопросъ, следовательно, относится къ этимъ четыремъ именамъ и состоитъ въ слѣдующемъ: восприняла ли фи-

Дозволено цензурою. Москва, Іюля 30-го дня 1904 года.

зика въ себя сенсуалистическую точку зре́нія Локка, Юмовскій разборъ понятія „сила“, пространственный феноменализмъ Канта и Шопенгауеровское пониманіе закона достаточного основанія.

Нетрудно было бы показать, что современное естествознаніе впитало въ себя только Локка и полно грубѣйшихъ ошибокъ противъ истинъ, добытыхъ послѣдующими философами. Это не будетъ удивительно, если вспомнить, что физическая науки распространяются среди очень широкихъ слоевъ населенія, между тѣмъ какъ философія представляется удѣломъ немногихъ, и что только за послѣднія 30—40 лѣтъ стало распространяться кантовѣдѣніе, повлекшее за собой знакомство съ ближайшимъ предшественникомъ Канта и ближайшимъ его преемникомъ.

Въ противность распространенному въ XIX вѣкѣ мнѣнію, въ настоящее время все болѣе и болѣе выясняется, что философія стоитъ впереди физическихъ наукъ на дорогѣ къ истинѣ, и что послѣднимъ во многихъ отношеніяхъ предстоитъ серьезная перестройка, если не разрушеніе до основанія. Особенная отсталость обнаруживается въ отдалѣ физики зре́нія. Разладъ между философскимъ

и физическимъ пониманіемъ дѣла становится наконецъ невыносимымъ: физика должна согнуться.

Размышляя по поводу спора Гете съ Ньютономъ относительно теоріи цвѣтовъ, спора, въ которомъ первый отставалъ точку зре́нія, несомнѣнно болѣе совмѣстимую съ Кантовской философіей,—что доказывается косвенно хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что вѣдь оправдывающія на Канта философы (Шопенгауэръ, Шеллингъ, Гегель) стали въ этомъ спорѣ на сторону Гете,—я пришелъ къ новому взгляду, представляющему собой *раскрытие относительности трансцендентнаго и дающаго* тѣмъ совершенно особенное пониманіе феноменализма. Изложенію его я и посвящаю настоящій очеркъ, предполагая въ слѣдующемъ рядѣ очерковъ представить примиреніе этого взгляда со своимп биологическими и космологическими возврѣніями, а также утвердить Гете-Шопенгауеровскую теорію цвѣтовъ на новомъ основаніи.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдует читать
21	6 сверху	гипостазированія	гипотезированія
36	17 "	въ полномъ видѣ	въ полной мѣрѣ
38	12 "	созерцанія;	воспріятія;
45	1 спизу	воздѣйствія.	воздѣйстві?.
46	4 сверху	что онъ есть	что онъ есть
56	10 "	Vater und	Vater- und
61	1 "	это	эта

ГЛАВА I.

§ I.

У философски мыслящихъ людей можно найти самое разнообразное пониманіе феноменализма. Въ каждомъ случаѣ надо установить обоснованіе его и взглядъ на формальное и причинное отношеніе міра даннаго къ трансцендентному.

Прежде всего надо различать феноменализмъ, исходящій отъ метафизическихъ предпосылокъ, отъ феноменализма эмпирическаго, исходящаго наоборотъ отъ даннаго.

Первый a priori надѣляетъ истинное бытіе опредѣленными качествами (каковы напр. единство, однообразіе, постоянство, порядокъ, справедливость), которыя представляющемся міру свойственны въ той же степени, какъ и ихъ противоположности (множество, разнообразіе, измѣнчивость, хаотичность, несправедливость). Данный міръ на этомъ основаніи отвергается, какъ неистинный, слѣд. кажущійся. Тутъ мысль о трансцендентномъ предшествуетъ понятію феноменального. Данный міръ отвергается a minore,

какъ міръ менѣе цѣнныи, а не въ силу понятаго отношенія бытія истиннаго къ нему, какъ искаженному изображенію. Вообще этотъ феноменализмъ носитъ скорѣе этическій характеръ, чѣмъ теоретическій. Таковъ феноменализмъ элеатовъ, Платона, схоластиковъ, современныхъ неокантіанцевъ,—съ ихъ міромъ безконечнаго единаго, міромъ идей, міромъ логическихъ сущностей и нравственнымъ міропорядкомъ. Отношеніе между такимъ трансцендентнымъ и даннымъ міромъ остается произвольнымъ; во всякомъ случаѣ формальной стороны оно не есть отношеніе сходства, а также оно не есть причинное отношеніе (въ истинномъ смыслѣ этого слова); правда, нашъ міръ въ такихъ случаяхъ считается проявленіемъ сущаго, но называть это причиннымъ отношеніемъ можно, только совершая *λόγιον ψεῦδος* схоластического мышленія (смѣщеніе основанія познанія съ основаніемъ быванія), ибо опредѣленіе понятія („логическая сущность“) въ дѣйствительности только въ силлогизмахъ оказывается необходимымъ предшествующимъ вывода, но не во временномъ раскрытии, не *de facto*. Съ этой точки зренія Шопенгауеровская воля къ жизни и идеи, какъ ступени ея объекти-

ваціі, были со стороны философа преступлениемъ противъ самого себя,—тѣмъ, что Ницше называлъ „распутствомъ генія“. У неокантіанцевъ трансцендентный міръ (нравственный міропорядокъ) уже оказывается продолженіемъ феноменального міра, а не его исходнымъ пунктомъ. Вся эта метафизика есть дѣло вѣры, необоснованной и чаще всего покоющейся на словахъ.

§ 2.

Переходя къ видамъ эмпирическаго феноменализма, остановимся прежде всего на томъ воззрѣніи, которое наиболѣе наивно высказывается въ такихъ сужденіяхъ: „*все есть душа*“, или „*мое сознаніе*“, или просто „*все есть я*“, или еще „*все — во мнѣ*“. Чтобы разобраться въ этихъ, съ первого взгляда парадоксальныхъ положеніяхъ, разсмотримъ значеніе другихъ, сходныхъ съ этими, но болѣе несомнѣнныхъ предложеній: „чувства, желанія—во мнѣ; галлюцинаціонные образы, міръ моихъ сновидѣній, воспоминаній, мыслимыя представлениія—все это во мнѣ“. Въ виду распространенности этихъ сужденій среди людей, ни къ какой метафизикѣ не склонныхъ, совершенно нельзя предположить, чтобы этимъ выражалось отношеніе къ душѣ,

какъ къ нѣкоторой субстанції, самостоятельному существу; смыслъ этихъ фразъ можетъ быть только одинъ: онъ выражаютъ *принадлежность* извѣстныхъ психическихъ (душевныхъ) состояній моему тѣлу; одному особенному изъ всѣхъ видимыхъ мною тѣлъ реального міра.

Что касается, прежде всего, необразныхъ психическихъ состояній (чувствъ, желаній), —то дѣло вполнѣ ясно; относительно образныхъ сдѣлаемъ маленькое разъясненіе. Міръ сновидѣній (а также галлюцинацій, воспоминаній и вообще нереальныхъ образовъ) —такъ же пространствъ, цвѣтенъ и плотенъ, какъ и реальный міръ, по своему характеру и содержанію онъ не имѣетъ *ничего общаго* съ чувствами, ощущеніями и мыслями (какъ мозговыми напряженіями); *постольку* онъ, наравнѣ съ реальнымъ міромъ, есть міръ *непсихической*. Далѣе, такъ какъ въ этихъ нереальныхъ пространственныхъ мірахъ есть образъ своего тѣла, противополагаемый образамъ другихъ предметовъ въ томъ же пространствѣ, то нельзя также про образъ сновидѣнія (воспоминанія etc) сказать, что онъ находится **во мнѣ**, принадлежитъ мнѣ, если подъ „я“ понимается мое тѣло, относящееся

къ тому же пространственному міру, ибо части одного и того же пространства даны, какъ находящіяся въ другъ друга.

Все дѣло, значитъ, въ томъ, что мы стремимся выразить какъ-нибудь отношеніе между разными пространственными мірами, и когда замѣчаемъ, что міръ, напр. моихъ сновидѣній, взятый въ его цѣломъ (внѣшня тѣла вмѣстѣ съ видимымъ во снѣ моимъ тѣломъ) извѣстенъ *только одному* опредѣленному тѣлу изъ другаго міра, называемаго реальнымъ, то не можемъ подыскать другой болѣе подходящей аналогіи, какъ того же отношенія принадлежности, въ которомъ стоять ко мнѣ мои чисто психическія состоянія. Итакъ, изъ многихъ пространственныхъ міровъ выбирается одинъ, какъ *основной* (основанія предпочтенія одного надъ всѣми другими нась въ настоящее время не интересуютъ), а всѣ другіе — признаются принадлежащими нѣкоторому духовно-тѣлесному субъекту, составляющему часть этого основнаго міра. Эти нереальные пространственные міры вмѣстѣ съ чувствами и вообще *чисто душевными* явленіями объединяются подъ общимъ *наименованіемъ душа* или еще *сознаніе* (послѣднее относится главнымъ образомъ къ

совокупности однихъ образовъ). Я обращаю особенное внимание во 1-хъ, на это коренное различие тѣхъ двухъ элементовъ, которые объединяются подъ общимъ понятіемъ „душа“, хотя общимъ между этими элементами оказывается не душевность, а только *отношеніе принадлежности*, и во 2-хъ, на соотносительный характеръ понятія „душа“, поскольку изъ всѣхъ пространственныхъ міровъ выдѣляется одинъ, къ части которого относятся всѣ остальные, такъ, что понятіе „душа“ съ одной стороны предполагаетъ понятія реальнаго міра и его части—тѣлеснаго субъекта, а съ другой стороны противополагается тому и другому.

§ 3.

До сихъ поръ мы говорили только о представленияхъ. Постараемся теперь разобраться въ воспріятіяхъ и ихъ совокупности—реальному мірѣ. Можно ли и въ какомъ смыслѣ можно сказать, что и воспріятія находятся во мнѣ, что они тоже часть души и что такимъ образомъ дѣйствительно *все* есть душа (потому что только ихъ не хватало *всего*).

Послѣ предыдущаго для читателя должно быть вполнѣ ясно, что про образы непосред-

ственno окружающаго насъ вида міра невозможно сказать, что они находятся во мнѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это говорили до сихъ поръ. Внѣшніе предметы и мое тѣло равно принадлежать реальному міру, т. е. основному изъ всѣхъ пространственныхъ міровъ, и даны намъ, какъ находящіеся въ другъ друга. Возможны поэтому два пути.

Въ виду формального сходства образовъ реальнаго міра (включая и мое тѣло) съ образами нереальныхъ міровъ (и тѣ и другіе пространственные, цвѣтные, плотные) можно первые по аналогіи со вторыми назвать *представленіями, идеями* *), и тогда уже легко ихъ подвести подъ общее понятіе душа, какъ это дѣлали Берклей и имманентные философы. Такимъ образомъ сначала представлениа по своему отношенію принадлежности оказываются въ родствѣ съ чисто психическими процессами (§ 2), затѣмъ воспріятія сближаются по формальному сходству съ представлениями и, наконецъ, черезъ посредство представлений, сами воспріятія, т. е. реальные образы, объявляются психическими процессами. Несмотря на всю безмысленность такого

*.) Хотя, соответственно первоначальному смыслу словъ, „представленія“ относятся къ образамъ нереальныхъ міровъ, и въ этомъ ихъ отличие отъ „воспріятій“.

чисто словеснаго феноменализма, ибо при этомъ совершенно исчезаетъ специфический и относительный характеръ понятія „душа“, очень многіе наивные реалисты считаютъ себя на высотѣ пониманія феноменальности нашего міра только потому, что они находять возможнымъ образамъ воспріятія дать название, имѣющее нѣсколько болѣе психической смыслъ: представлениe, идея.

Другіе называютъ реальные образы т. е. образы воспріятія *ощущеніями*, а такъ какъ ощущеніе имѣть еще другой, чисто психической смыслъ (напр. ощущеніе тепла, боли, въ которыхъ не заключается ничего образнаго), то и этимъ путемъ еще легче, болѣе непосредственно приходятъ къ тому же результату („все есть душа“). Чистѣйшій софизмъ, основанный на расширеніи объема понятія, при чемъ игнорируется соотвѣтственное уменьшеніе содержанія этого понятія! Таковъ напр. феноменализмъ Маха *), на томъ же основана теорія мѣстныхъ знаковъ.

Наконецъ, можно встрѣтить еще слѣдующій ходъ мыслей, въ которомъ всякой вдумчивый мыслитель усмотритъ *quaternionio terminorum*. Все фантастическое, а также отдален-

ное въ пространствѣ и времени, непосредственно не воспринимаемое, но лишь представляемое,—есть не реальность, а только *содержаніе сознанія*. Но и образы воспріятія, или, вѣрнѣе, вся воспринимаемая полусфера есть лишь *попавшая въ субъективное сознаніе* часть объективнаго (самостоятельно существующаго) реальнаго міра; слѣд. и міръ воспріятій есть содержаніе сознанія. Отсюда выводъ: **все есть—содержаніе сознанія, или просто—сознаніе.**

Очевидно, что во второй посылкѣ нашего силлогизма слова „реальность“ и „сознаніе“ употреблялись въ иномъ и даже совершенно противоположномъ смыслѣ, чѣмъ въ первой. Обозначаемыя этими словами понятія соотносительны другъ другу, но характеръ соотношенія въ томъ и другомъ случаѣ совершенно отличный. Въ первомъ случаѣ сознаніе означаетъ принадлежащиј налично воспринимаемому тѣлесному субъекту міръ представлений, въ противоположность воспринимаемымъ предметамъ (реальность), которые находятся виѣ того же субъекта. Характеръ этого соотношенія выясненъ въ предыдущемъ параграфѣ. Отмѣтимъ здѣсь еще полное отсутствие какого бы то ни было сходства между

*) Beiträge sur Analyse der Empfindungen, Iena.

представляющимися образами и наличными воспріятіями.

Во второмъ случаѣ скрыто предполагается отрицаемая въ заключеніи и сама по себѣ ложная точка зрѣнія трансцендентнаго реализма, состоящая въ реализаціи воспоминаемыхъ воспріятій. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ новымъ единичнымъ воспріятіемъ, въ насы имѣются на основаніи многихъ прежнихъ опытовъ представлениія тѣхъ же предметовъ со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія и въ связи съ окружающимъ міромъ. Содержанія этихъ представлений принимаются теперь за самое по себѣ существующую реальность, а воспріятія разсматриваются, какъ часть ея, какъ бы охваченная живымъ огнемъ зрѣнія и вступившая въ область сознанія. Между реальностью и сознаніемъ, следовательно, существуетъ въ этомъ случаѣ полное тожество образовъ, а различіе состоить только въ яркости и живости. При этомъ за реальность принимается теперь то, что въ отношеніи къ наличнымъ воспріятіямъ было охарактеризовано выше, какъ содержаніе сознанія.

Такимъ образомъ, когда мы соединяемъ обѣ точки зрѣнія въ одномъ сужденіи: „все есть сознаніе“, то мы лишаемъ наше понятіе

„сознаніе“ соотносительного характера, безъ котораго оно немыслимо, и кромѣ того совершаємъ логическую ошибку, принимая два различныхъ понятія, обозначаемыхъ одинаковымъ словомъ,—за одно.

Такъ какъ во всѣхъ подобнаго рода разсужденіяхъ все просто называется душой или моимъ сознаніемъ, то, конечно, нѣтъ нужды въ предположеніи какого нибудь трансцендентнаго міра и онъ просто на просто выбрасывается, какъ это сдѣлали имманентные философы *).

§ 4.

Кромѣ этого, вербального рѣшенія вопроса возможенъ другой путь—это предложеніе трансцендентнаго субъекта.

Внѣшніе образы міра сновидѣній (или воспоминаній etc) находятся не во мнѣ, а *внѣ меня*, если подъ „я“ понимается то мое тѣло, которое входитъ составной частью въ этотъ нереальный міръ, но про *весь* міръ сновидѣній (etc) можно сказать, что онъ находится во мнѣ, какъ въ части другаго, основнаго пространственнаго міра (именно реальнаго) и, въ этомъ смыслѣ, вмѣстѣ съ чувствами и желаніями, составляетъ душу моего

*.) См. Schubert-Soldern, Die Transcendenz des Subjects und des Objects.

реального субъекта. Подобно міру сновидѣній, и про *весь* реальный міръ (включая и мое тѣло) лишь въ томъ случаѣ можно сказать, что онъ находится во мнѣ, если подъ „я“ понимается часть иного, невѣдомаго, но предполагаемаго пространственного міра,— міра *трансцендентнаго*. Тогда дѣйствительно все (и чувства, и нереальные міры, и реальный міръ) окажется душою нѣкоего трансцендентнаго субъекта. Несомнѣнно, что таково было воззрѣніе Канта. Забыгая нѣсколько впередъ скажу, что я согласенъ съ результатомъ этихъ разсужденій, т. е. полагаю, что признакомъ правильнаго пониманія феноменализма является признаніе трансцендентнаго субъекта,—хотя данное здѣсь обоснованіе считаю недостаточнымъ, такъ какъ отношеніе реального міра къ трансцендентному остается при этомъ такъ же неопределѣннымъ, какъ неопределенно отношеніе созерцаемыхъ мной образовъ сновидѣнія (*etc*) къ тому реальному міру, который окружаетъ меня во время сновидѣній. Кромѣ того, при такомъ обоснованіи трансцендентнаго нѣть никакого повода рассматривать реальный міръ, какъ *феноменъ*, подобно тому какъ мы не считаемъ міръ сновидѣній или галлюцинацій за проявленіе,

за феноменъ дѣйствительнаго міра. Жизнь, съ этой точки зрѣнія, скорѣе уподобляется сну трансцендентнаго субъекта. Такова была исходная точка зрѣнія Альгаццали, арабскаго философа, жившаго въ XI вѣкѣ: „Я говорю себѣ: во время сна ты придаешь своимъ видѣніямъ реальность и существованіе, въ которыхъ ты не сомнѣваешься въ это время; проснувшись затѣмъ, ты узнаешь, что всѣ эти образы и мнѣнія не имѣютъ ни цѣнности, ни основанія. Гдѣ же ручательство, что все, что ты испытываешь въ состояніи бодрствованія, существуетъ дѣйствительно? Разумѣется это вѣрно по отношенію къ твоему настоящему состоянію, однако возможно, что наступить другое состояніе, которое будетъ такъ же относиться къ твоему состоянію бодрствованія, какъ это послѣднее къ твоимъ сновидѣніямъ, такъ что по отношенію къ нему твое теперешнее состояніе окажется лишь сномъ... Быть можетъ смерть и есть это состояніе, ибо глава всѣхъ пророковъ сказалъ: люди спятъ, но послѣ смерти они проснутся“ *).

*) „Ce qui sauve des égarements et ce qui éclaireit les ravissements“ p. 22. *Traité d'Algazzâli*, traduit par Schmölders (*Essai sur les écoles philosophiques chez les Arabes*, Paris, 1842). Изъ тѣхъ же соображеній исходилъ и Декартъ въ своихъ *Meditationes de prima philosophia* (см.

Во всякомъ пространственномъ мірѣ есть одно особенное тѣло,—центральное. Я называю *центральнымъ тѣломъ* въ пространственномъ мірѣ такое тѣло, 1) мѣсто котораго является точкой зрењія для всѣхъ предметовъ этого міра и 2) которому одному изъ всѣхъ подобныхъ тѣлъ душа принадлежить, какъ дѣйствительная величина, т. е. душа котораго состоитъ въ дѣйствительныхъ переживаніяхъ и представленіяхъ; всѣ другія тѣла (Leiber), обладая лишь мнимой душой (являющейся продуктомъ умозаключенія) оказываются, слѣдовательно, только безжизненными образами. Характернымъ для разбираемаго теперь пониманія трансцендентнаго является то, что носитель души, какъ міра реальныхъ воспріятій, есть въ то же время центральное тѣло трансцендентнаго міра. Это совпаденіе есть основаніе сознанія тожества своего реальнаго „я“ со своимъ трансцендентнымъ носителемъ.

§ 5.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только

первое размыщеніе); но въ то время, какъ воспитанный на холастическихъ традиціяхъ „раціоналистъ“ Декартъ создалъ себѣ изъ однихъ атрибутовъ логическую субстанцію *res cogitans*, болѣе конкретно мыслящій „мистикъ“ Альганды соотвѣтственно взятой въ основаніе разсужденій аналогіи пришелъ къ предположенію иного пространственного міра и въ немъ иного своего тѣла.

себя,— свое тѣло и свою душу. Привлечемъ теперь къ разсмотрѣнію посторонняго субъекта N. Для меня воспріятіе и реальность, воспринимаемый мной образъ и реальный предметъ—совершенно совпадаютъ, это одно и то же; и только вслѣдствіе перенесенія на себя понятій, имѣющихъ смыслъ въ примѣненіи къ другому человѣку, возникло двоякое наименованіе одного и того же факта. Дѣйствительно, по отношенію къ постороннему лицу, для нась несомнѣнно различіе между реальнымъ міромъ (моимъ) и міромъ его воспріятій. Онъ обнаруживается, напр., въ томъ случаѣ, когда этотъ человѣкъ закрываетъ глаза, или когда онъ смотрить въ такое пространство, которое закрыто для меня какой нибудь ширмой; въ первомъ случаѣ онъ совершенно не имѣеть передъ собой міра зрителныхъ воспріятій, между тѣмъ какъ для меня существуетъ таковой въ видѣ реальнаго міра; въ другомъ случаѣ въ его мірѣ воспріятій входитъ много такихъ образовъ, которые отсутствуютъ въ моемъ. Да и помимо того, перспективный характеръ воспріятій двухъ рядомъ стоящихъ субъектовъ всегда оказывается особенный; такъ, дискъ, который мнѣ представляется въ формѣ круга

(при положеніи глаза по оси этого диска) въ перспективѣ моего сосѣда оказывается, эллипсомъ; кубъ, который данъ мнѣ съ передней и лѣвой стороны, для моего сосѣда виденъ съ передней и правой стороны и т. под. Такимъ образомъ въ отношеніи къ постороннему субъекту мы нагляднѣе, чѣмъ на самихъ себѣ, понимаемъ, что во 1-хъ) міръ воспріятій, наравнѣ съ міромъ представленій и чувствъ, составляетъ *внутренній міръ* и въ этомъ (только въ этомъ) смыслѣ душу человѣка *), а во 2-хъ), что всякий пространственный міръ, рассматриваемый, какъ психической, какъ душа, имѣеть отношеніе (принадлежности) къ иѣкоему субъекту другаго пространственного міра; въ данномъ случаѣ такимъ субъектомъ является этотъ человѣкъ, какъ часть моего реального міра (а не какъ часть его міра воспріятій). Слѣд., мой реальный міръ такъ же относится къ душѣ (въ широкомъ смыслѣ) созерцаемаго.

*) Авенаріусъ полагалъ, что эта, такъ называемая „*интоекція*“ есть единственный возможный путь, приводящій къ феноменализму (см. его „Человѣческое понятіе о мірѣ“). Съ полнымъ правомъ отвергши ее, какъ несостоятельную, онъ вернулся къ вульгарному, „естественному“ міровоззрѣнію и такимъ образомъ выказалъ полное отсутствіе у себя какихъ-бы то ви было способностей къ философскому мышленію. Послѣднее относится и ко всѣмъ послѣдователямъ эмпирокритицизма.

мной человѣка, какъ трансцендентный міръ относится ко всему міру моего сознанія.

Чувствъ, представлений и воспріятій со-человѣка (*Mitmensch*) мы не переживаемъ и не созерцаемъ, а лишь предполагаемъ ихъ на основаніи фактовъ этого сомнительной достовѣрности міра. Слѣд., здѣсь міръ сознанія для насъ не существуетъ, а данъ только тотъ основной міръ, въ которомъ находится тѣлесный носитель этого предполагаемаго психического міра, между тѣмъ какъ для насъ самихъ, наоборотъ, данъ только міръ сознанія, въ который входитъ и весь реальный міръ, а тотъ трансцендентный основной міръ, въ которомъ находится я, какъ тѣлесный субъектъ, носитель этого міра сознанія,—недоступенъ.

§ 6.

Этимъ сопоставленіемъ многіе увлекаются, чтобы создать себѣ особенное научно-реалистическое пониманіе феноменализма. Рассуждаютъ такимъ образомъ.

Разъ въ одномъ случаѣ извѣстна одна половина, а въ другомъ другая, то мы можемъ каждый разъ неизвѣстную половину опредѣлять по образцу извѣстной половины другаго случая. Такимъ путемъ мы не только

получимъ определеніе своего трансцендентнаго міра, но и съумѣемъ выразить причинное отношеніе между нимъ и воспринимаемъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ другой человѣкъ, безъ сомнѣнія, воспринимаетъ все такъ же, какъ и я (только изъ другаго центра), и такъ какъ основнымъ (а для него трансцендентнымъ) міромъ служитъ мой реальный міръ, вполнѣ съ его міромъ воспріятій тожественный, то, слѣдовательно, *вообще* между тѣмъ и другимъ существуетъ полное сходство, а потому и тотъ трансцендентный міръ, который лежить въ основѣ моего міра воспріятій и который въ прежнемъ его обоснованіи (§ 4) могъ быть определенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ пространственный, цветной и плотный, теперь можетъ быть определенъ вполнѣ точно: какъ оригиналъ, точной копіей котораго является мой міръ. Для каждого предмета въ моемъ мірѣ воспріятій есть соответствующій двойникъ въ мірѣ трансцендентномъ. Точно также можетъ быть установлено и причинное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, міръ воспріятій сочеловѣка образуется въ мозговыхъ центрахъ его реального т. е. созерцаемаго мной тѣла, послѣ того какъ вышеупомянутые предметы, т. е. прочія

тѣла (Körper) моего реальнаго міра подѣйствовали на органы чувствъ и вызвали раздраженіе чувственныхъ нервовъ его тѣла (Leibes). Соответственно этому надо признать, что мой реальный міръ образуется въ мозговыхъ центрахъ моего *трансцендентнаго тѣла*, послѣ того какъ окружающіе его предметы, т. е. прочія тѣла трансцендентнаго міра подѣйствовали на органы чувствъ и вызвали раздраженіе чувственныхъ нервовъ моего трансцендентнаго же тѣла. (Разумѣется, я даю здѣсь болѣе послѣдовательное изложеніе хода мыслей, такъ какъ сами представители этого міровоззрѣнія, обыкновенно, смѣшиваютъ трансцендентное съ воспринимаемымъ и стараются не употреблять первого слова).

Приведенное здѣсь обоснованіе является тѣмъ постояннымъ источникомъ, который питаетъ воззрѣніе *трансцендентныхъ реалистовъ*, какъ наивныхъ, такъ и критическихъ. Должна быть обнаружена вся ненадежность и противорѣчивость этого обоснованія, чтобы не воскресалъ этотъ вѣчно живой покойникъ,—трансцендентный реализмъ.

Прежде всего, уже своя душа (въ узкомъ смыслѣ, т. е. совокупность чувствъ и представлений), данная намъ непосредственно, не

есть нѣчто фактически связанное съ тѣломъ, но лишь логическое построеніе, а именно отношеніе принадлежности *). Чужая же душа (въ широкомъ смыслѣ, т. е. совокупность чувствъ, представлений и воспріятій) не есть даже нѣчто данное, а только продуктъ умозаключенія и отнесенія этого умозаключаемаго къ опредѣленному тѣлу. Такъ какъ, кромѣ того, и весь мой реальный міръ, какъ міръ пространственныхъ воспріятій, не можетъ имѣть для меня характера безусловно истиннаго міра, ибо онъ весь представляеть собой психическое явленіе субъекта иного міра, трансцендентнаго „я“, то и душа, и тѣло человѣка входятъ составной частью въ этотъ психической міръ трансцендентнаго субъекта. Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что на душу другаго человѣка нельзя смотрѣть, какъ на трансцендентное, какъ на потусторонній міръ. Во-вторыхъ, нельзя для опредѣленія истиннаго міра пользоваться, какъ основаніемъ, сомнительными логическими отношеніями между воспринимаемыми явленіями (которыя всегда сомнительной достовѣрности) и невоспринимаемымъ, а лишь умозаключаемымъ міромъ.

*) Такъ напр., мысли и чувства, появляющіяся во снѣ, мы приписываемъ не своему реальному тѣлу, а его сонному образу.

Это все равно, какъ если бы я захотѣлъ на основаніи изслѣдованія отношеній между предметами, которыя я вижу въ стереоскопѣ, опредѣлить характеръ действительно окружающихъ меня тѣлъ. Разница между этимъ пользованіемъ аналогіи для гипотезированія трансцендентнаго и тѣмъ, которое было выяснено въ § 4, состоить въ томъ, что прежде въ основу бралось такое отношеніе, оба члена котораго (міръ представляемый и міръ реальный) были даны непосредственно, какъ *мои* пространственные міры, между тѣмъ какъ здѣсь въ основу кладется такое отношеніе, одинъ членъ котораго является мифическимъ (чужой міръ воспріятій). Другая разница будетъ указана въ слѣд. §.

Укажемъ теперь на тѣ безвыходныя противорѣчія, къ которымъ приводить насъ разбираемая аналогія, памятуя, что только въ томъ случаѣ пользованіе аналогіей умѣстно, когда ея углубленіе не приводить къ противорѣчіямъ.

§ 7.

Какъ нами было разъяснено, всякий пространственный міръ, понимаемый, какъ душа, непремѣнно имѣеть своего тѣлеснаго носителя въ другомъ мірѣ. Соответственно этому

міръ воспріятій посторонняго чловѣка, разсматриваемый, какъ его душа, имѣть своимъ носителемъ тѣло этого чловѣка, находящееся въ моемъ реальному мірѣ. Но центральнымъ тѣломъ въ этомъ реальномъ мірѣ оказывается не его, а мое тѣло, и на ряду съ моимъ центральнымъ его тѣло является бездушнымъ периферическимъ образомъ.

Соответственно этому мы должны принять, исходя изъ той же аналогіи, что въ трансцендентномъ мірѣ тѣлесный носитель моего міра воспріятій не есть центральное тѣло, а безжизненный образъ, наряду съ другими образами находящійся передъ некоторымъ центральнымъ тѣломъ, обладающимъ дѣйствительной душой. Оставляя пока въ сторонѣ поиски этого центрального тѣла, отмѣтимъ прежде всего крупное отличіе этого воззрѣнія на трансцендентное отъ предыдущаго (см. § 4), въ которомъ трансцендентный носитель и центральное тѣло совпадали. Основываясь на прежнемъ воззрѣніи, я тѣмъ сильнѣе чувствую неуничтожаемость и истинность своего бытія, чѣмъ больше я убѣженъ въ истинности трансцендентнаго міра, напротивъ въ настоящемъ случаѣ, я долженъ считать свое существованіе призрачнымъ. Если со-

ответственно прежнему воззрѣнію моя реальная жизнь могла быть уподоблена сну меня самого, какъ трансцендентнаго субъекта, такъ что, когда кончится эта жизнь, я проснусь и вспомню ее, какъ сонъ, то теперь мое трансцендентное существованіе представляется соннымъ видѣніемъ совершенно посторонняго субъекта. Кто-то спитъ и видитъ меня въ окружающей меня обстановкѣ. Когда онъ проснется, я исчезну *).

Тожество своего реальнаго „я“ со своимъ трансцендентнымъ носителемъ разрывается, ибо я не могу считать себя тожественнымъ съ безжизненнымъ образомъ.

При попыткахъ опредѣлить центральное тѣло въ этомъ трансцендентномъ мірѣ мы прежде всего наталкиваемся на отрицательныя опредѣленія: таковыми не можетъ быть ни одно живое существо реальнаго міра.

Правда, съ первого взгляда кажется, что, подобно тому, какъ находящійся предомной мой знакомый N есть лишь бездушный вицѣній образъ въ моемъ реальномъ мірѣ, хотя въ томъ мірѣ воспріятій, который я считаю принадлежащимъ его тѣлу, онъ оказывается центральнымъ тѣломъ,—точно так-

* См. Достоевскій, Подростокъ, стр. 139.

же и я явлюсь, какъ периферический бездушный образъ въ томъ мірѣ, въ которомъ центральнымъ тѣломъ окажется сочеловѣкъ N. Но въ дѣйствительности тутъ получается такая же безсмыслица, какъ если бы сказать, что сосудъ В находится въ сосудѣ А, а этотъ послѣдній въ свою очередь въ сосудѣ В. Ни одинъ изъ тѣлесныхъ субъектовъ въ монемъ мірѣ не можетъ быть центральнымъ тѣломъ въ трансцендентномъ мірѣ, ибо ихъ душа есть лишь логическое построение, относящееся къ опредѣленнымъ тѣламъ въ этомъ реальному мірѣ, и является, слѣд., частью этого послѣдняго; а потому міръ, который трансцендентенъ по отношѣнію ко всему реальному міру *въ его цѣломъ*, не можетъ уже быть міромъ воспріятій для души одного изъ этихъ сочеловѣковъ *).

Наконецъ можно утверждать, что центрального тѣла вовсе нѣтъ въ трансцендентномъ мірѣ, что онъ—ничей, ни для кого не является непосредственнымъ міромъ воспріятій, что онъ есть *міръ самъ по себѣ*, слу-

*) Я не говорю уже о томъ, что, если бы я удалось какъ-нибудь считать центральнымъ тѣломъ трансцендентного міра сочеловѣка N, то совершенно такое же право имѣли бы на это званіе солюди N¹, N² и т. д., а нѣсколькихъ центральныхъ тѣлъ не можетъ быть.

жащій оригиналомъ, для всѣхъ отдельныхъ міровъ, какъ воспріятій.

Не смотря на то, что при этомъ разрушается вся аналогія, приведшая именно къ гипотезированію трансцендентнаго міра (такъ какъ мы никогда не можемъ встрѣтиться съ пространственнымъ міромъ безъ центральнаго тѣла, безъ перспективы, безъ чувствующаго субъекта), однако наивно-реалистическое воззрѣніе обыкновенно понимается именно въ этой послѣдней формѣ.

§ 8.

Видоизмѣненіемъ такого пониманія феноменализма является *критический реализмъ*. Шагомъ впередъ въ новомъ реализмѣ является отрицаніе полнаго сходства между трансцендентнымъ міромъ и міромъ воспріятій.

Въ схоластической формѣ эта мысль была высказана уже Спинозой въ его „Этикѣ“, изъ которой мы приведемъ слѣдующія положенія:

„Idea affectionum corporis humani non sunt clarae et distinctae, sed confusae“ (pars II, propositio XXVIII).

„Idea cuiuscumque affectionis corporis humani adaequatam corporis externi (aut ipsius humani corporis) cognitionem non involvit“ (prop. XXV et XXVII).

„Idea cuiusque modi, quo corpus humanum a corporibus externis afficitur, involvere debet naturam corporis humani et simul naturam corporis externi (prop. XVI). Hinc sequitur, quod ideae, quas corporum externorum habemus, magis nostri corporis constitutionem, quam corporum externorum naturam, indicant“ (corol. II) *).

Изъ этихъ цитать, въ которыхъ предвосхищаются мысли современной психофизиологии, а отчасти кантовскій априоризмъ, читатель можетъ видѣть, что Спиноза различалъ міръ истинныхъ тѣлъ (своего и виѣшнихъ) отъ тѣлъ, какъ образъ воспріятія, при чмъ послѣднія онъ считалъ *искаженными копіями* первыхъ. Слѣд., трансцендентныя тѣла, которыя онъ называлъ истинными, строились имъ по образу и подобію воспринимаемыхъ.

*) Bed. Spinozae opera. Ed. Bruder. vol. I. pp. 247, 246, 239 et 240. „Идеи состояній человѣческаго тѣла не суть идеи ясныя и отчетливыя, но смутныя... Идея какого бы то ни было состоянія человѣческаго тѣла не заключается въ себѣ адекватнаго познанія ни виѣшняго тѣла, (ни самого человѣческаго тѣла)... Идея всякаго состоянія, въ которое тѣло человѣческое приводится дѣйствіемъ виѣшнихъ тѣлъ, должно заключать въ себѣ какъ природу человѣческаго тѣла, такъ и природу тѣла виѣшняго... Отсюда слѣдуетъ, что идеи, которыя мы имѣемъ о виѣшнихъ тѣлахъ, болѣе относятся къ состояніямъ нашего тѣла, чѣмъ къ природѣ тѣлъ виѣшнихъ“. Пер. Иванцова

Настоящимъ представителемъ этой точки зреїнія является, несомнѣнно, Локкъ, этотъ типичній трезвый англійскій умъ, подъ знакомъ котораго до сихъ поръ еще стоитъ міровоззрѣніе современнаго ученаго и интеллигентнаго міра. Если Спиноза произвелъ, такъ сказать, продольное разсѣченіе всѣхъ воспринимаемыхъ признаковъ предметовъ, такъ что въ каждомъ признакѣ заключается нѣчто отъ истиннаго предмета и нѣчто отъ нашего (истиннаго) тѣла, то дѣленіе Локка можно сравнить съ поперечнымъ разсѣченіемъ, такъ что одни признаки (первичные—пространственное расположение, форма, плотность, движеніе) оказались въ точности выражающими свойства трансцендентныхъ тѣлъ („виѣшнихъ объектовъ“), а другіе признаки (вторичные—цвѣтъ, запахъ, звукъ, вкусъ, тепло) не имѣютъ ровно ничего общаго со свойствами тѣлъ и являются только знаками ихъ мельчайшаго строенія *).

*) Эта утвердившаяся терминология вовсе не соответствуетъ локковской. Локкъ различалъ субъективныя „идеи“ и объективныя „качества“: „Все, что душа находитъ въ себѣ и что есть непосредственный объектъ воспріятія, я называю *идеей*, а силу, производящую въ нашей душѣ какую нибудь идею, я называю *качествомъ* предмета, въ которомъ сила находится. *Идеи—въ души, качества—въ тѣлахъ*“. (Кн. 2, гл. 8, § 7. Дж. Локкъ. Опытъ о чл. раз. Пер. Савина). Первичныя качества, которыя одни собственно и существуютъ реально (§ 17), вызываютъ въ насъ себѣ подобныя идеи. Вторичныя качества

Если, такимъ образомъ, съ разобранной выше точки зре́нія наивнаго реализма истинный міръ былъ только бездушнымъ міромъ, если для Спинозы онъ былъ только ни добрымъ, ни злымъ, ни красивымъ, ни безобразнымъ, то теперь онъ оказывается беззвучнымъ, безцвѣтнымъ, безвкуснымъ, безъ запаха и ни теплымъ, ни холоднымъ. Локкъ установилъ то, все умерщвляющее и опошляющее, механистическое воззрѣніе, согласно которому дѣйствительный міръ состоитъ только въ безшумномъ и безмысленномъ хаотическомъ движениіи сѣрыхъ или прозрачныхъ, большихъ или маленькихъ плотныхъ тѣлъ. Это воззрѣніе лежитъ современной наукой, физикой и біологіей, и прочно держится всюду, куда еще не проникъ свѣтъ кантовской философіи.

Послѣ того, какъ Гюйгенсъ создалъ вол-

— это такая комбинація первичныхъ качествъ, которая обладаетъ способностью вызывать въ насъ идеи, не имѣющія себѣ подобія въ реальному мірѣ („Богъ соединилъ эти идеи съ совершенно непохожими на нихъ движеніями“. § 13). Иль третичными (или посредственно воспринимаемыми вторичными) качествами Локкъ разумѣлъ силы, или способность тѣлъ благодаря своимъ первичнымъ качествамъ производить въ другихъ тѣлахъ замѣгнія для насъ измѣненія. (Обоснованіе трансцендентнаго реализма вообще находится въ главѣ 11, кн. 4). Такъ какъ у насъ рѣчь идетъ только объ идеяхъ, то правильнѣе было бы дѣленіе *идей* на идеи, соотвѣтствующія первичнымъ, и идеи, соотвѣтствующія вторичнымъ качествамъ,—при этомъ качествамъ не реальныемъ, а предполагаемымъ, ибо трансцендентное бытіе ихъ проблематично.

нообразную теорію свѣта, а Эйлеръ приложилъ ее къ Ньютоновскимъ лучамъ различной преломляемости, послѣ того какъ затѣмъ Іоганнъ Мюллеръ установилъ теорію специфической энергіи чувственныхъ нервовъ,—возврѣніе Локка постепенно развилось въ связную цѣльную систему. Воспринимаемые первичные признаки все болѣе сливались съ самими трансцендентными предметами, а къ міру воспріятій стали наконецъ относить только вторичные признаки. Такъ какъ реальный міръ, въ которомъ мы живемъ практическі, есть міръ пространственный, а пространственные, первичные признаки слились съ трансцендентнымъ міромъ, то подъ реальнымъ міромъ стали наконецъ понимать Локковскій безцвѣтный трансцендентный міръ, міръ же воспріятій объявили субъективнымъ, обманчивымъ. Такъ напр., Гельмгольцъ въ 3-й части своей „Physiologische Optik“ говоритъ, что мы собственно не воспринимаемъ самихъ вещей, а только отношенія между вещами (отношеніе виѣшнихъ тѣлъ другъ къ другу и къ нашему тѣлу), при чёмъ и сами эти отношенія воспринимаемъ на условномъ языке чувственныхъ знаковъ*). (Почти тѣми же

*) Helmholtz, Handbuch der Phys. Opt. 1896, стр. 589.

словами 200 лѣтъ тому назадъ говорилъ Локкъ). То, что киноварь красна, говорить онъ, есть лишь воспріятіе отношенія между киноварью и моимъ тѣломъ *) (какъ будто пространственное расположение и форма киновари и моего тѣла не суть тоже воспріятія). Очевидно, здѣсь молчаливо предполагается, что воспріятіе формъ и ихъ пространственного положенія въ точности соотвѣтствуетъ трансцендентнымъ условіямъ, между тѣмъ какъ ощущеніе цвѣта есть лишь знакъ особенного взаимодѣйствія трансцендентныхъ тѣлъ, виѣшняго и моего, взаимодѣйствія, характеръ котораго зависитъ отъ строенія того и другаго.

По совершенно догматической вѣрѣ въ то, что трансцендентный міръ существуетъ самъ по себѣ, а также въ то, что трансцендентная тѣла въ пространственномъ отношеніи совершенно подобны образамъ воспріятія—этотъ научный реализмъ сходится съ наивнымъ, хотя онъ разумѣется выше его, поскольку отрицаетъ подобіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

§ 9.

Кантъ сдѣлалъ послѣдній рѣшительный:

*) *ibid.*

шагъ въ отрицаніи подобія міра трансцендентнаго съ феномenalнымъ, и этотъ шагъ имѣлъ огромное значеніе.

Признать, что пространственное положеніе, форма и движеніе предметовъ суть такія же воспріятія, какъ и вторичные признаки, и что сходство съ трансцендентнымъ міромъ въ этихъ отношеніяхъ такъ же невѣроятно, какъ и сходство въ цвѣтахъ, звукахъ и т. п., признать все это—равносильно тому, чтобы *феномenalный міръ* объявить единственно для насъ дѣйствительнымъ, объявить его именно тѣмъ *реальнымъ пространственнымъ міромъ*, въ которомъ мы живемъ практически. Тогда всѣ вторичные признаки оказываются не субъективными знаками, а такими же реальными самостоятельными качествами вещи, какъ и плотность, движеніе. Дѣйствіе кантовскаго міропониманія можно, слѣдовательно, сравнить съ вліяніемъ солнца, при появленіи котораго все снова оживаетъ, расцвѣчивается разнообразными красками, оглашается звуками; міръ снова становится шумнымъ, яркимъ, ароматнымъ, горячимъ, языческимъ, ницшеанскимъ.*), „Реальное въ

*) Лично Кантъ былъ противъ такого уравненія вторичныхъ признаковъ съ первичными (см. стр. 56—57 его „Крит. чист. раз.” пер. Соколова). Но это было непослѣдовательностью

нашихъ явленіяхъ—говорить Кантъ—дѣйствительно только въ воспріятіи и, наоборотъ, „всякое виѣшнее воспріятіе непосредственно доказываетъ нѣчто дѣйствительное въ пространствѣ или скорѣе оно само есть эта дѣйствительность“ *).

Насъ въ этой главѣ интересуетъ не феномenalный міръ, а его носитель. Что феномenalный міръ, какъ міръ настоящихъ воспріятій, принадлежитъ нѣкоторому „я“, которое находится виѣ этого феномenalного міра, слѣд., трансцедентному „я“,—на этотъ счетъ не можетъ быть никакого спора. Кантъ, конечно, думалъ точно также, хотя онъ и не всегда высказывался въ этомъ духѣ. Это происходило отъ того, что у него можно различать нѣсколько „я“, которыхъ онъ самъ иногда смѣшивалъ:

1) Самосозерцаніе или эмпирическое „я“, какъ предметъ внутренняго созерцанія, т. е. чувства, желанія, мышленіе, словомъ то, что мы называемъ душой въ специфическомъ смыслѣ этого слова.

стъ его стороны. Овъ смѣшивалъ въ данномъ случаѣ воображаемое или представляемое умомъ пространство съ созерцаемымъ или видимымъ. Въ первомъ, дѣйствительно, нѣть цвѣтovъ, но во второмъ цвѣта воспринимаются паравнѣ съ формой и положеніемъ, и нисколько не менѣе реально. А вся „Критика“ имѣть въ виду именно созерцаемое пространство.

*.) „Крит. чист. раз.“ пер. Соколова, стр. 648.

2) Трансцедентное „я“, соответствующее предыдущему эмпирическому „я“. Напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ: „это чувство (внутреннее) представляеть сознанію даже насъ самихъ только такъ, какъ мы являемся, а не такъ, какъ мы существуемъ въ себѣ“ *).

3) Интеллектуальное самосознаніе—или „я“, какъ синтетическое единство апперцепціи, т. е. какъ объединяющая функция разсудка, выражающаяся въ подразумѣваемомъ присоединеніи ко всякому душевному процессу сужденія: „я мыслю“. См. § 16, 17, 18, а также, напр., слѣдующее мѣсто: „Въ томъ, что мы называемъ душой (въ самомъ широкомъ смыслѣ), все находится въ безпрерывной смѣнѣ и нѣть ничего постояннаго, за исключеніемъ только (если ужъ этого хотятъ) простаго „я“, простаго потому, что это представлениe не имѣть никакого разнообразія, почему и кажется, что мы представляемъ его, или, лучше сказать, отмѣчаемъ, какъ простой объектъ“ **).

4) Наконецъ, трансцендентальный субъектъ или субъектъ познанія, или еще мыслящее существо. Напр., „я, какъ мыслящий

*) I. c. стр. 122.—**) I. c. стр. 652.

субъектъ, познаю себя, какъ мыслимый объекътъ, поскольку я данъ себѣ самому въ созерцаніи¹⁾, здѣсь разматривается отношеніе субъекта познанія къ эмпирическому „я“ (предмету внутренняго чувства). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же субъектъ ставится въ отношеніе къ трансцендентальной апперцепції, т. е. къ объединяющей функції разсудка: „я, или онъ, или оно, что мыслить, представляется намъ только, какъ трансцендентальный субъектъ мысли“²⁾. По отношенію къ душѣ въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. ко всему феноменальному міру, онъ противополагается въ слѣдующихъ мѣстахъ: „Представленія называются внѣшними не потому, чтобы они сами по себѣ относились къ внѣшнимъ предметамъ въ себѣ, но потому что они относятъ воспріятіе въ пространство, въ которомъ все существуетъ внѣ другъ друга, тогда какъ само пространство находится *въ насъ*“³⁾, или „я сознаю только свои представлія; слѣдовательно, существуютъ и эти представлія, и я самъ, который имѣю эти представлія“⁴⁾, или: „само пространство со всѣми его явленіями, какъ представленіями, находится во

¹⁾ I. c. стр. 124.—²⁾ I. c. стр. 279.—³⁾ I. c. стр. 645.—
⁴⁾ I. c. стр. 645.

мнѣ“^{*}); наконецъ, уже совершенно опредѣленно: „если отрицаютъ мыслящій субъектъ, тѣлесный міръ долженъ пасть, такъ какъ онъ только явленіе въ чувственности нашего субъекта и представляетъ одинъ изъ видовъ его представлений“^{**}).

Трансцендентальнымъ этотъ субъектъ называется у Канта лишь постольку, поскольку онъ обладаетъ способностями (чувственностью и разсудкомъ), опредѣляющими самый опытъ и обусловливающими его возможность. Такъ какъ кантовское трансцендентное „я“ есть плодъ недоразумѣній, а въ мыслящемъ субъектѣ нась интересуетъ въ настоящій моментъ не его трансцендентальность, то мы будемъ въ дальнѣйшемъ (какъ и до сихъ порь) называть его трансцендентнымъ субъектомъ.

Приведенные цитаты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и по мнѣнію Канта уже одинъ теоретической разумъ долженъ признать существованіе трансцендентнаго субъекта, находящагося *внѣ* *нашего* пространственного міра.

Итакъ слѣдуетъ не ограничиваться подведеніемъ реального міра подъ одно *наименование* (душа, сознаніе, я) съ міромъ чувствъ

^{*}) I. c. стр. 648.—^{**)} I. c. стр. 653.

и представлений, какъ это дѣлаютъ имманентные философы, и не увлекаться фантазіей къ созданію особыхъ субстанцій вродѣ сложнѣйшихъ монадъ Лейбница или простыхъ, недѣлимыхъ „мыслящихъ вещей“ Декарта, не имѣющихъ себѣ ничего подобного въ нашемъ мірѣ,—никто такъ сильно, какъ именно Кантъ, не боролся противъ метафизическихъ гипотезъ о душѣ, какъ особой субстанціи,—но, пользуясь отношеніями извѣстнаго намъ міра, слѣдуетъ распространять ихъ по аналогіи (а это основа всѣхъ индуктивныхъ заключеній) на тѣ случаи, гдѣ намъ данъ непосредственно лишь одинъ членъ отношенія. Разница между моимъ воззрѣніемъ и воззрѣніемъ Канта состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что я въ ~~полномъ видѣ~~^{и въре} пользуюсь этой аналогіей, и потому не только постулирую трансцендентное „я“, какъ *субъектъ, стоящий въ реальнаго міра*, но и рассматриваю этотъ субъектъ, какъ членъ *трансцендентнаго*, хотя тоже пространственного міра. Этотъ пространственный міръ оказывается основнымъ по отношенію къ нашему реальному.

§ 10.

Трансцендентный субъектъ обладаетъ чувственностью, разсудкомъ и разумомъ, какъ

главными способностями, обусловливающими возможность опыта и опредѣляющими его форму.

Несмотря на то, что это почти буквально слова самого Канта *), многимъ можетъ это показаться противорѣчашимъ мыслямъ Канта, изложеннымъ имъ въ „Критикѣ рациональной психологіи“ (Трансцендентальной діалектики 2-ая кн., 1-й отд.), гдѣ доказывается, что представление „я“ совершенно просто и не можетъ содержать въ себѣ никакихъ определеній, между тѣмъ какъ здѣсь дается определеніе способностей трансцендентнаго субъекта. На самомъ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ Кантъ смысливалъ „я“, какъ высшую функцию разсудка (логически простое и всегда съ собой тожественное единство апперцепціи) съ трансцендентнымъ субъектомъ. Такъ какъ весь реальный міръ, со включеніемъ нашего тѣла, слагается изъ настоящаго опыта и воспоминаній о прошлыхъ опытахъ, то чувственность

*). „Хотя матерія всѣхъ явленій дается только *a posteriori*, форма для нихъ зарапѣ должна лежать въ душѣ“ (стр. 50). „Наше познаніе воапикаетъ изъ двухъ главныхъ источниковъ души, изъ которыхъ первый—способность получать представлениа (воспріимчивость), а второй—способность познавать предметы посредствомъ этихъ представлений (самодѣятельность“. (стр. 75). Здѣсь „душа“ понимается въ особыномъ смыслѣ, *активномъ*, какъ совокупность способностей. „Воепріимчивость субъекта предшествуетъ всѣмъ созерцаніямъ объекта“ (стр. 55) и въ др. мѣстахъ.

и разсудокъ, подготавляющіе всякий опытъ и предшествующіе ему, *), относятся, разумѣется, не къ этому миру, а къ иному и принадлежать нѣкоторому субъекту въ этомъ иномъ мірѣ. Правда мы не познаемъ этихъ способностей непосредственно, а только какъ коррелаты свойствъ реального міра **), но отъ этого познавательная способности субъекта для нась не менѣе достовѣрны.

Въ настоящемъ очеркѣ нась интересуетъ только чувственность, и въ ней только пространственная форма *созерцанія*, нашъ предметъ, собственно, еще болѣе суженъ, такъ какъ мы будемъ говорить только о пространствѣ, какъ оно существуетъ для видѣнія, созерцанія, а не для воображенія.

Воображеніе предмета съ помощью ума производится всегда съ нѣкоторымъ усилиемъ и является всестороннимъ, безъ перспективы, безъ угла зреенія. Таковымъ пространство является для слѣпаго, и для нась, когда мы судимъ на основаніи одного чувства осознанія, помимо созерцательныхъ воспоминаній;

*) „Опытъ, несомнѣнно, первый продуктъ, который производитъ нась разсудокъ, когда онъ перерабатываетъ грубый матеріалъ чувственныхъ впечатлѣній“. (Критика, стр. 26, прим.). **) „Все равно, скажу ли я: объекты имѣютъ такія или сякія принадлежащія имъ свойства и определенія, или: субъектъ познаетъ такімъ или сякимъ образомъ“. (Шопенгауэръ, Четверной корень, стр. 138, пер. Фета).

между тѣмъ какъ для слѣпого и воспоминанія всегда имѣютъ характеръ воображенія, мы, зрячіе, почти всегда прибѣгаемъ къ созерцательнымъ воспоминаніямъ, какъ болѣе легкимъ и богатымъ. Въ дальнѣйшемъ я буду различать воспріятіе и представленіе, при чёмъ каждое изъ нихъ можетъ быть вообразительнымъ и созерцательнымъ.

Причиной того, что Кантъ и Шопенгауэръ относили пространственность къ различнымъ познавательнымъ способностямъ, а именно первый къ чувственности, второй — къ уму *), лежитъ именно въ томъ, что они имѣли въ виду разныя пространства; Кантъ говорилъ главнымъ образомъ о пространствѣ для созерцанія, Шопенгауэръ — имѣть въ виду пространство для воображенія.

Трансцендентный субъектъ нась интересуетъ лишь въ его отношеніи къ реальному миру. Но реальнымъ міромъ является только настоящее, ибо прошедшаго не существуетъ; изъ всего же настоящаго только непосред-

*) „Изъ такого ограниченного матеріала, какъ свѣтлое, темное и цвѣтъ, умъ посредствомъ своей столь простой функции, какъ заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ, и при помощи присущей ему созерцательной формы пространства способенъ произвести столь неисчислимое богатство и многообразный вѣнчайшій міръ“ (Шопенгауэръ, I. c. стр. 56). Здѣсь Шопенгауэръ очень близко подходитъ къ теоріи „мѣстныхъ знаковъ“, см. гл. II настоящаго очерка.

ственно окружающее меня есть достовѣрная реальность, ибо отдаленное проблематично, и представлениe о немъ дѣйствительно часто обманываетъ *); но и окружающее лишь постольку безусловно реально, поскольку оно созерцается или осознается, ибо воображаемое, напр., слѣпымъ окружающее, котораго онъ не осознаетъ, такъ же проблематично, какъ проблематично для зрячаго то, что онъ представляеть обѣ удаленныхъ отъ него за 100 верстъ вещахъ. Понятно, поэтому, что говоря о реальномъ мірѣ, можно имѣть въ виду только непосредственно видимое или осознанное.

Въ дальнѣйшемъ мы ограничиваемся обсужденіемъ вопроса о видимомъ реальномъ.

Прежде всего представляется вопросъ, какъ понимать принадлежащую трансцендентному субъекту способность пространственного видѣнія—съ формальной и материальной стороны?

Что такое способность вообще? Такъ какъ это понятіе относительное, то было бы не лѣпостью, дѣлать изъ нея какую-нибудь самостоятельную субстанцію, подобно тѣмъ, напр., кто надѣляетъaprіорныя формы созерцанія и мышленія самостоятельнымъ трансцендентнымъ бытіемъ **).

*) ср. Локкъ, Оп. о чel. р. кн. IV гл. 11, § 9.—**) Гипостазированію способностей въ видѣ особыхъ міровыхъ суб-

Но будемъ осторегаться также того, чтобы понимать подъ способностью какое-нибудь скрытое качество.

Способность есть *искусственно закрѣпленная ассоціація* между вещью и тѣмъ явленіемъ, которое возникаетъ въ ней или въ окружающихъ ее вещахъ при извѣстныхъ условіяхъ. Закрѣпленіе это совершается исключительно для того, чтобы предвидѣть событія, чтобы не удивляться, когда въ будущемъ намъ придется оять встрѣтиться съ подобными же явленіями.

Такъ напр., принадлежащая опію способность усыплять есть психологическая ассоціація идей, искусственно соединенное съ представлениемъ опія представлениe засыпающаго человѣка. Разумъ можетъ воспользово-

станцій было положено начало Аристотелемъ, который различалъ *τοῦς παθητικός* (пассивный умъ) и *τοῦς ποιητικός* (активный), безличный характеръ котораго еще не былъ вполнѣ опредѣленнымъ. Эта мысль получила дальнѣйшее развитіе въ системѣ Аверроэса (XII в.), который *умъ дѣятельный*, какъ общий всѣмъ людямъ, самостоятельно существующий, бессмертный и единый, противополагаѣтъ *уму материальному* (или потенциальному), представляющему собой проявленіе первого въ отдельномъ индивидѣ, смертному и недѣятельному. Въ XVI вѣкѣ аверроистическое толкованіе Аристотеля нашло себѣ пріютъ среди перипатетиковъ Падуанского университета (Николай Верній, Ахиллии, Кремонини). Затѣмъ оно нашло свой отголосокъ въ системѣ Спинозы съ его единой субстанціей. На то же ученіе опирались и квѣтисты (XVII в.) въ своей проповѣди возвращенія отдельной души въ лено всеобщаго духа. всей этой холастики Лейбница въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „О міровомъ духѣ“ полу-

ваться этой ассоціаціей для образованія синтетического (апостеріориаго) сужденія: опій имѣеть сноториющую силу. Это сужденіе есть не болѣе, какъ основаніе познанія, т. е. средство, дающее возможность, при помощи легкаго механизма логического мышленія, прийти къ тому же результату, къ которому трезвый умъ приходитъ путемъ конкретныхъ представлений, пользуясь ассоціаціями идей.

§ 11.

Раньше, чѣмъ примѣнить эти разсужденія къ трансцендентному субъекту, посмотримъ, въ какомъ смыслѣ мы могли бы про реальнаго человѣка сказать, что онъ обладаетъ способностью къ пространственному созерцанію.

Замѣтимъ прежде всего, что мой реальный міръ нельзя назвать созерцаніемъ, принадлежащимъ мнѣ, какъ реальному человѣку, потому что, какъ человѣкъ, я настолько же

жилъ ковенцѣ, казалось, навсегда. Однако въ новое время ту же мысль пытался воскресить Шуппе со своимъ „*общимъ сознаніемъ*“, послѣ чего за эту истрапанную идею ухватился Бердяевъ и преподнесъ ее русской публикѣ, какъ послѣднее слово философской премудрости. (См. „*Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи*“). Интересна, между прочимъ, та единственная похвала, которую Лейбницъ изъ чувства справедливости счѣть нужнымъ воздать учению о всеобщемъ интеллекѣ: „*La doctrine d'un Esprit Universel est bonne en elle m me, car tous ceux, qui l'enseignent admettent en effet l'existence de la Divinit t*“. (*Considerations sur la doctrine d'un Esprit Universel unique*, Phil. Schrif. B. VI, p. 530).

принадлежу къ этому реальному міру, какъ и окружающіе меня предметы, а потому весь реальный міръ въ его цѣломъ можетъ быть названъ воспріятіемъ, созерцаніемъ только въ отношеніи къ трансцендентному субъекту.

Для пространственныхъ созерцаній *человѣка* остаются, слѣдовательно, нереальные міры. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ: сны, галлюцинаціи, воспоминанія и фантазіи. Затѣмъ—и это для насъ теперь гораздо важнѣе—есть еще пространственные тоже нереальные міры, стоящие гораздо ближе къ воспріятіямъ по своей опредѣленности, устойчивости и по участію органовъ чувствъ, это: рельефное видѣніе, которое образуется въ насъ при нѣкоторыхъ условіяхъ, когда мы смотримъ на плоскую картину (одну или двѣ, прямо или черезъ стереоскопическія стекла) *).

Что касается сновъ прежде всего, то, какъ всякий, я думаю, согласится, по ясности, логичности въ сосуществоаніи и послѣдо-

* Третій родъ нереального созерцанія, тоже съ участіемъ органовъ чувствъ, составляютъ такъ наз. обманы зрѣнія, затѣмъ зеркальные отраженія и призматическая отклоненія. Въ этихъ случаяхъ нереальный міръ представляется повторениемъ или искаженіемъ реальнаго, плоскій же или пространственный характеръ его образовъ остается безъ измѣненія. Относительно зеркальныхъ и призматически отклоненныхъ изображеній надо еще замѣтить, что нереальные образы существуютъ на ряду съ соответствующими реальными, которые не уничтожаются и могутъ быть наблюдаемы рядомъ и одновременно съ первыми.

вательности: события они бывают иногда до того сходны съ действительностью, что отличаются отъ нея только возможностью пробуждения.

Художественные произведенья, панорамы и стереоскопические изображения при пропрѣтенномъ умѣніи смотрѣть на нихъ даютъ часто полную иллюзію жизненности, дали и рельефности; если бы всѣ ихъ достоинства были соединены съ выгодами кинематографа и фонографа, то, по сходству съ текущей действительностью, они превосходили бы лучшіе сны. Эту идеальную, совершенно осуществимую комбинацію я и буду въ дальнѣйшемъ имѣть въ виду *).

Разница этихъ двухъ видовъ обнаружения созерцательной способности состоить въ слѣдующемъ. Во первыхъ, сонные видѣнія протекаютъ помимо нашего желанія и безъ всякаго усилия съ нашей стороны, между тѣмъ какъ при созерцаніи картины надо прежде всего желаніе смотрѣть, а затѣмъ тѣ напряженія иннервациіи, которыя вообще необходимы при зреїніи.

*; Подъ плоскостнымъ рисункомъ стереоскопа надо разумѣть не действительный рисунокъ, а то, тоже плоскостное но отклоненное отъ действительного (слѣдовательно, мнимое) изображеніе, какъ оно представляется одному глазу. Отмѣтимъ кстати, что недавно одному парижскому врачу удалось примѣнить стереоскопъ къ кинематографу.

Далѣе, способность къ сновидѣніямъ не нуждается ни въ какомъ навыкѣ, между тѣмъ какъ способность превращать предстоящий плоскій рисунокъ въ пространство о трехъ измѣреніяхъ требуетъ выучки.

Наконецъ, основное различіе—то, что сонные видѣнія не состоять ни въ какой связи съ тѣмъ, что находится и совершается вокругъ спящаго реальнаго человѣка, между тѣмъ какъ панорамный міръ предполагаетъ определенный объектъ, воздействиій на человѣка, а именно *плоскостной рисунокъ идеального стереоскопа*.

Которому изъ этихъ двухъ видовъ соответствуетъ созерцательная способность трансцендентнаго субъекта? Иначе говоря: представляетъ ли собой действительность—сонъ трансцендентнаго субъекта, подобно тому какъ мои сонные видѣнія принадлежать реальному субъекту (каковымъ сравненіемъ мы пользовались въ § 4, когда имѣли въ виду дать наглядное представление о трансцендентномъ субъектѣ), или же трансцендентному субъекту непосредственно противостоять нѣкоторый, воздействиій на него трансцендентный объектъ, и напр. міръ есть міръ воспріятій, какъ результатъ этого воздействиія?

Къ вопросу о трансцендентномъ субъектѣ при-
соединяется такимъ образомъ проблема тра-
нсцендентнаго объекти: существуетъ ли онъ,
что онъ есть и какъ онъ воздѣйствуетъ на
субъектѣ?

Кантъ считалъ оба воззрѣнія равно не-
доказуемыми, но и равно неопроворжимыми:
„Въ отношеніи воспріятій къ ихъ причинѣ
всегда остается сомнительнымъ, внутренняя
ли это причина, или внѣшняя; и всѣ эти
такъ называемыя внѣшнія воспріятія не игра-
ли только нашего внутренняго чувства, или
же относятся къ виѣшимъ дѣйствительнымъ
предметамъ, какъ къ своимъ причинамъ“.*)
Что самъ онъ, однако, склонялся ко второму,
объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельству-
етъ, напр., начало его „Введенія“ во второмъ
изданіи **), вся „Трансцендентальная эстет-
ика“ и масса другихъ мѣстъ; да и само
понятіе чувственности у него остается не-
определеннымъ; есть ли это только вообще
способность созерцать извѣстнымъ образомъ,

*.) I. с. стр. 643.

**) „Чѣмъ же другимъ и возбуждается къ дѣятельности наша
познавательная способность, какъ не тѣми предметами, которые дѣ-
ствуютъ на наше виѣщее чувство и отчасти сами вызываютъ въ наст.
представленія, отчасти приводить въ движение нашу разсудочную дѣя-
тельность и заставляютъ ее переработывать грубый материалъ чувствен-
ныхъ впечатлѣній въ то познаніе предмета, которое называется опы-
томъ“ (I. с. стр. 26—27).

или способность подвергаться вліянію, ре-
агировать опредѣленнымъ образомъ на внѣш-
нія воздѣйствія, воспринимать? Во всякомъ
случаѣ есть мѣста, благопріятствующія и
тому и другому толкованію.

Раньше, чѣмъ выяснить наше воззрѣніе,
обратимъ вниманіе па два обстоятельства.
Во-первыхъ, для того, чтобы изъ созерцанія
плоской картины получить пространственный
видъ, необходима только опредѣленная ком-
бинація напряженій глазныхъ мышцъ, кото-
рая дается только соотвѣтствующей иннер-
вацией. Всѣ прочіе моменты (какъ-то внима-
ніе, невниманіе, представленіе, пониманіе,
привычка) сводятся въ концѣ концовъ именно
къ этому, какъ ускоряющіе и облегчающіе
образованіе необходимыхъ иннерваций; разъ
онъ наступаютъ, то вмѣстѣ съ ними полу-
чается и пространственное созерцаніе.

Второе—это то, что поле зрѣнія плоской
картины и пространственного вида—одно и
то же, т. е. для каждой точки видимаго
пространства есть соотвѣтствующая, находя-
щаяся съ ней на одной визирной линіи точка
плоскостнаго рисунка. Созерцаніе этого по-
слѣдняго совершенно погашается, исчезаетъ
въ пространственномъ созерцаніи. Не мало

трудностей' поэтому представляетьъ правильный отвѣтъ на вопросъ, гдѣ находятся образы этого видимаго пространственнаго міра—вони, или виѣ меня, какъ реальнаго человѣка. Относительно сонныхъ видѣній не можетъ быть сомнѣнія, что они находятся *во мнѣ*, принадлежать мнѣ, сиящему человѣку; точно также никакого затрудненія не можетъ представить и вопросъ о кускѣ раскрашенаго полотна,—онъ, какъ и всякое реальное тѣло, несомнѣнно, находится *внѣ меня*, какъ части того же реальнаго міра, въ которомъ все находится виѣ другъ друга. Что же касается образовъ разбираемаго нами пространственнаго міра, то, повидимому, оба отвѣта будуть неправильны.

Нельзя сказать, что они находятся виѣ меня, потому, что тотъ міръ, который дѣйствительно разстилается за плоской картиной и который дѣйствительно находится виѣ меня, совершенно не совпадаетъ съ созерцаемымъ нереальнымъ міромъ. Но нельзя ихъ считать и находящимися во мнѣ, такъ какъ это знали бы, что и тотъ реальный плоскостной рисунокъ на полотнѣ, поле зрѣнія котораго совершенно совпадаетъ съ созерцаемымъ пространствомъ, тоже находится во мнѣ.

Я полагаю, что единственное средство выйти изъ этой дилеммы—это признать отношеніе между плоскимъ рисункомъ и его пространственнымъ созерцаніемъ за конкретный образчикъ, по типу котораго слѣдуетъ понимать отношеніе между *трансцендентнымъ объектомъ* и феноменальнымъ міромъ. Выясняя въ дальнѣйшемъ значение этой схемы для моего міросозерцанія, замѣчу пока, что смыслъ терминовъ „феноменального“ и „трансцендентного“ соответственно новому міросозерцанію нѣсколько видоизмѣняется противъ обычнаго ихъ пониманія. Какъ это слѣдуетъ изъ характера схемы, термины эти являются теперь не специальнymi характеристиками нашего міра и того, что лежитъ въ его основѣ, а общими соотносительными понятіями, такъ что одинъ и тотъ же міръ можетъ быть рассматриваемъ, какъ феноменальный по отношенію къ одному и въ то же время, какъ трансцендентный по отношенію къ другому міру.

Міръ, трансцендентный по отношенію къ нашей реальности т. е. тотъ міръ, къ которому принадлежитъ трансцендентный плоскій рисунокъ, дающій начало воспринимаемому нами реальному пространству,—можетъ быть наз-

ванъ цисреальныи міромъ; нереальные же пространственные виды, которые раскрываются передъ нами, когда мы смотримъ на реальное плоскостное изображеніе,—можно разматривать, какъ зачатокъ, уголокъ *трансреального міра*. Нашъ реальный міръ, слѣдовательно, феноменаленъ по отношенію къ цисреальному,—и трансцедентенъ по отношенію къ трансреальному міру, который есть новый феноменальный міръ.

Всякій новый феноменальный міръ становится практическимъ т. е. реальнымъ міромъ, когда изъ поля зрењія *совершенно и навсегда выключается* весь (бывшій до сихъ поръ реальнымъ) трансцедентный міръ, за исключеніемъ тѣхъ небольшихъ, безпрерывно сменяющихся плоскостныхъ изображеній идеального стереоскопа, которая безъ остатка погашаются въ созерцаемомъ новомъ мірѣ.

Наша дилемма разрѣшается, поэтому, слѣдующимъ образомъ. Созерцаемое пространство находится *внѣ меня*, поскольку подъ „я“ понимается часть того же пространства т. е. центральное тѣло нового пространственного міра. (Правда, въ данномъ случаѣ центрального тѣла какъ будто нѣть; міръ однако имѣеть перспективу и, слѣдовательно,

непремѣнно есть по крайней мѣрѣ, центральная точка. Если бы на периферическихъ частяхъ полусферического поля зрењія были изображены части туловища какого-нибудь животнаго, такъ чтобы въ идеальномъ стереоскопѣ они представлялись рельефно и казались ближайшимъ окружающимъ центральной точки, то я могъ бы увидѣть себя жираффой, львомъ, и ихъ тѣло было бы центральнымъ).

Но съ другой стороны этотъ пространственный міръ, разумѣется, находится *во мнѣ*, поскольку изъ числа реальныхъ людей я являюсь единственнымъ носителемъ этого новаго міра.

Трансцедентный объектъ, который у Канта являлся совершенно неопределеннымъ, становится теперь конкретно определеннымъ плоскостнымъ изображеніемъ, которое непосредственно противостоитъ трансцедентному субъекту и созерцается имъ, какъ *внѣшній* предметъ. Только съ этимъ объектомъ нашъ реальный міръ имѣеть нѣчто общее, но это общее не есть сходство тѣлесныхъ образовъ, а только общность поля зрењія; остальной трансцедентный міръ, простирающейся за непосредственнымъ объек-

томъ, можетъ не имѣть никакого сходства съ нашимъ реальнымъ міромъ, кромѣ того, что оба они пространственны, точно такъ же, какъ и трансцендентный субъектъ не имѣть никакого сходства съ реальнымъ человѣкомъ за исключениемъ того, что оба они протяженные и зрячие *).

Чтобы лучше разъяснить свою точку зреиня, я напомню читателямъ то мѣсто Платоновой „Республики“, въ которомъ философъ старался дать образное пониманіе своей философіи и, между прочимъ, объяснить, почему душѣ, если она принадлежитъ шкому миру, обыкновенно ни разу втеченіе этой жизни не удается увидать ни малѣйшаго уголка его.

„Вообрази людей какъ-бы въ подземномъ жилищѣ, которое имѣеть открытый сверху и длинный во всю пещеру входъ для свѣта. Пусть люди живутъ въ ней съ дѣятствія, ско-

*) Правда, конкретное представление о трансцендентномъ субъектѣ, къ которому мы относимъ созерцательную способность, совершенно смутно, тѣмъ не менѣе аналогія проведена до конца. Если же примѣнить къ той аналогіи, которая положена въ основу нашихъ разсужденій, рационалистическую методу Декарта, то пришлось бы утверждать, что существуетъ некоторая смотрящая вещь въ смыслѣ простой недѣлмой субстанціи, характеризуемой однакъ атрибутомъ смотрѣнія. Вмѣсто конкретного мировоззрѣнія, пользующагося, какъ конкретными образцами, явленіями реальнаго міра, мы получимъ логические схемы, которые могутъ служить въ лучшемъ случаѣ удобными орудіями для дедукціи изъ какогонибудь цѣльнаго мировоззрѣнія, но никогда не могутъ его сполна замѣнить.

ванные по ногамъ и по шею, такъ чтобы, пребывая здѣсь, могли видѣть только то, что находится передъ ними, а поворачивать вокругъ отъ узъ не могли. Пусть свѣтъ доходитъ до нихъ отъ огня, горящаго далеко вверху и позади ихъ... Развѣ ты думаешь, что эти узники, какъ въ себѣ, такъ и одинъ въ другомъ увидѣли бы что нибудь иное, а не тѣни, падавшія отъ огня на находящуюся передъ ними пещеру?“ и т. д. *)

Было ли когда нибудь настоящимъ образомъ понято это знаменитое мѣсто?

§ 12.

Изъ установленной нами въ предыдущемъ § относительности трансцендентнаго можно сдѣлать два вывода,—по отношенію къ міру цирреальному и міру реальному.

По отношенію къ первому это означаетъ, что трансцендентный міръ не есть общій основной міръ для всѣхъ людей, и что его пространство не есть существующее въ себѣ безперспективное пространство,—но что и въ немъ есть центральное тѣло, субъектъ познанія коего тождественъ со мною, и весь этотъ трансцендентный пространственный міръ вмѣстѣ съ его центральнымъ тѣломъ есть

*) Соч. Платона. Государство, книга 7, стр. 354. Пер. Карнова, 1863.

въ свою очередь міръ воспріятій, феноменальний міръ, носителемъ котораго является субъектъ еще низшаго трансцендентнаго міра, — и такъ безъ конца. Всѣ эти міры въ по-перечномъ направлениі прорѣзываются од-нимъ и тѣмъ же субъектомъ познанія. Такимъ образомъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ установлено понятіе трансцендентнаго, оно понимается не какъ нѣкая основа, единственное въ своемъ родѣ безусловно прочное бытіе, на которое можно положиться, на которомъ можетъ отдохнуть ищущая мысль,—но какъ нескончаемый рядъ при-зрачныхъ міровъ безъ какой бы то ни было опоры. Подъ нами бездна,—и все призрачно.

Однако, подобно тому, какъ мы можемъ созидать башни на нашей шаткой землѣ, несмотря на то, что подъ ней зіаетъ про-странственная бездна, такъ и на почвѣ на-шего кажущагося, реальнаго міра, повисшаго надъ бездной трансцендентнаго, мы можемъ выстроить новый, еще болѣе прекрасный трансреальный міръ. Такимъ образомъ и нашъ реальный міръ можетъ быть сдѣланъ трансцендентнымъ, т. е. исчезнуть для насъ навсегда, и на развалинахъ его можетъ рас-цвѣсть новый феноменальный міръ.

Если мысль о ближайшемъ трансцендент-номъ была способна породить платоновскій идеализмъ—основу всякаго бывшаго до сихъ поръ идеализма, то идея ближайшаго трансреального міра несомнѣнно вызоветъ новыи, болѣе гордый идеализмъ.

Ближайшее трансцендентное есть *проїденная ступень*, по отношенію къ которой уже реальный міръ есть прогрессъ, а потому платоновская мечтательность есть реакціон-ный романтизмъ, призывъ назадъ, къ ста-рому. Призывъ этотъ неспособенъ пробудить творческія силы, и въ лучшемъ случаѣ да-етъ твердость духа и радостное спокойствіе въ ожиданіи приближающейся смерти, какъ естественнаго *нисхожденія* въ трансцендент-ную сферу.

Въ сравненіи съ нимъ новый идеализмъ будетъ кличеть впередъ; онъ заставляетъ дорожить жизнью, какъ единственнымъ сто-ящимъ въ нашей власти средствомъ для *восхожденія* въ высшія сферы, онъ возбуж-даетъ силы къ техническому, соціальному и духовному творчеству.

Идеализмъ Платона—это тоска по ро-динѣ, нарождающейся идеализмъ—это стрем-леніе къ новой землѣ и новому небу. О чёмъ

же еще, какъ не о новомъ мірѣ и новомъ-
тѣлѣ думалъ Ницше, когда писалъ эти
строки:

Nicht, *woher* ihr kommt, mache euch fü-
rderhin eure Ehre, sondern, *wohin* ihr geht!
Euer Wille und euer Fuss, der über euch sel-
ber hinaus will,—das mache eure neue Ehre!

Oh meine Brüder, nicht zurück soll euer
Adel schauen, sondern *hinaus!* Vertriebene
sollt ihr sein aus allen Vater- und Urväter-
ländern.

Euer *Kinderland* sollt ihr lieben: diese
Liebe sei euer neuer Adel,—das *unentdeckte* im
fernsten Meere! Nach ihm heisse ich eure
Segel suchen und suchen!

An euren Kindern sollt ihr gut machen,
dass ihr euer Väter Kinder seid: alles Vergan-
gene sollt ihr so erlösen! Diese neue Tafel
stelle ich über euch!

Was *Vaterland!* Dorthin will unser Steuer,
wo unser *Kinderland* ist! Dorthinaus, stürmi-
scher als das Meer stürmt unsre grosse Sehn-
sucht! *)

---

*) „Von alten und neuen Tafeln“ 12 и 28. Also sprach Zarathustra.

ГЛАВА II.

Разсмотримъ вкратцѣ съ точки зрењія
нашей гипотезы существующія *теоріи ви-
දънія*, — эмпирическія, нативистическая и
Шопенгауеровскую.

Объ противоположная теоріи (Шопен-
гауеръ стоитъ особо) сходятся въ томъ, что
воспріятія относятъ не къ трансцендентному
субъекту, созерцательная способность кото-
раго должна оставаться необъяснимой, а къ
реальному тѣлесному человѣку, находящемуся
въ пространственномъ мірѣ, который
существуетъ будто бы самъ по себѣ. Въ
этомъ отношеніи, слѣдовательно, оть Канта
объ эти теоріи одинаково далеки. При такомъ
воззрѣніи отношенія между психикой и ма-
теріеї необходимо разматриваются паралле-
листически, или въ сущности, поскольку ма-
теріальный міръ признается основнымъ,—нати-
вистически.*.) Различіе, значитъ, относится
именно къ вопросу о созерцаніи и состоитъ
въ томъ, что собственно нативисты къ числу
самостоятельныхъ, ни къ чemu несводимыхъ

---

*) Нативизмъ, какъ философское міровоззрѣніе, занимаетъ
промежуточное положеніе между грубымъ материализмомъ и чистымъ
параллелизмомъ, склоняясь ближе къ первому.

психическихъ процессовъ относятъ и созерцаніе,---что и сближаетъ ихъ съ Кантомъ, ---между тѣмъ какъ эмпиристы за первоначальные психические процессы принимаютъ только безформенныя, нелокализуемыя ощущенія и умъ, какъ способность мышленія и пространственного воображенія, созерцаніе же пытаются вывести изъ первыхъ двухъ. Замѣтимъ, что мы не относимъ къ представителямъ эмпирической школы Локка, высказавшаго свое воззрѣніе по поводу известной проблемы Molineux:

„Представимъ себѣ слѣпопорожденного, уже взрослого и научившагося посредствомъ осознанія отличать кубъ отъ шара одного и того же металла и почти одной и той же величины, такъ что, ощупавши тотъ и другой, онъ можетъ сказать, который кубъ и который шаръ. Предположимъ теперь, что кубъ и шаръ на столѣ, а слѣпой прозрѣлъ. Я спрашиваю, можетъ ли онъ теперь однимъ зрѣніемъ безъ осознанія различить ихъ и сказать, который шаръ и который кубъ“. Острогумный и проницательный авторъ отвѣтываетъ такъ: „Нѣтъ. Хотя онъ и знаетъ по опыту, какъ дѣйствуетъ на осознаніе шаръ и какъ кубъ, но онъ еще не узналъ, что все, что

такъ или иначе дѣйствуетъ на его осознаніе, должно такъ или иначе дѣйствовать и на его зрѣніе, или что выдающійся уголь въ кубѣ, неровно жавшій его руку, покажется его глазу такимъ, какъ онъ есть въ кубѣ“. Я согласенъ съ отвѣтомъ, который даетъ на свою проблему этотъ мыслящий джентльменъ, котораго я имѣю честь называть своимъ другомъ. Я тоже думаю, что слѣпой съ первого взгляда не можетъ сказать съ достовѣрностью, который шаръ и который кубъ, если онъ только видитъ ихъ, хотя бы онъ могъ безошибочно назвать ихъ при помощи осознанія и отличить по разницѣ между фигурами“. *)

Какъ видитъ читатель, здѣсь ничего не говорится объ образованіи пространственного созерцанія, а предполагается, что оно дается непосредственнымъ зрѣніемъ, притомъ вполнѣ отчетливо и рельефно, даже—въ полную противоположность эмпиристамъ—утверждается специфическое различіе между созерцаемымъ и воображаемымъ пространствомъ и ихъ полное равноправіе, сознаніе же ихъ тожества и тѣсная ассоціація идей между

*) Дж. Локкъ. Оп. о челов. разумѣ, стр. 121. Кн. 2, гл. 9, § 8.
Пер. А. Савина, 1898.

ними приписывается *совиньстному* опыту. Это мнѣніе стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ спора нативизма и эмпиризма. Совершенно въ томъ же смыслѣ Локку могъ бы быть предложенъ противоположный гипотетической примѣръ: представимъ себѣ человѣка съ нормальнымъ зрѣніемъ и въ то же время съ врожденной общей анестезіей; на вопросъ о томъ, способенъ ли былъ бы этотъ человѣкъ, если бы ему вернули кожную чувствительность и на время опытовъ закрывали глаза (подобно тому, какъ оперированнымъ слѣпорожденнымъ насилино держать руки *) сразу правильно истолковывать свои осознательныя ощущенія, какъ относящіяся къ тому или другому прежде видѣнному имъ предмету,—Локкъ несомнѣнно отвѣтилъ бы также отрицательно. Здѣсь, слѣдовательно, въ первомъ случаѣ вовсе не отрицается врожденная способность созерцанія, какъ въ другомъ случаѣ не отрицается врожденная способность въображенія черезъ осознаніе; не допускается только мысль о врожденности *ассоціації* между созерцаніемъ и воображеніемъ предмета, каковая ассоціація всецѣло

*) „He had got so much the habit of assisting his eyes with his hands, that nothing but holding them could keep them from the object“. Home, Philosoph. transactions. 1807 p. 90.

приписывается опыту. Этой трезвой мысль подтверждается вѣющими известными до сихъ поръ наблюденіями надъ оперированными слѣпорожденными. Такъ, оперированный Chessel'den'омъ мальчикъ любилъ брать поочередно на руки и подолгу разматривать кошку и собаченку, при чёмъ слышали, какъ онъ, отпуская отъ себя кошку, сказать: „ну, кисанька, теперь я постараюсь узнать тебя въ другой разъ“ (So, puss! I shall know you another time) ^a). Когда братъ оперированной Wardrop'омъ дамы спросилъ ее, указывая на чашки и блюдца, знакомы ли ей эти вещи, она отвѣчала: „нѣтъ, онъ выглядѣть очень странно (very queer), но я сейчасъ же скажу, что это такое, какъ только дотронусь до нихъ“. ²⁾ Націенты Franz'a ³⁾, Hippel'я ⁴⁾ и Raehlmann'a ⁵⁾ тотчасъ же замѣтили различие между кубомъ и шаромъ, какъ только они были имъ показаны, но ни одинъ не призналъ въ нихъ того, что слѣдовало ⁶⁾.

¹⁾ Chessel'den, Philos. trans. 1728, p. 234, abridged.—²⁾ Wardrop, Phil. Tr. 1826, p. 534.—³⁾ Phil. Tr. 1841, p. 65.—⁴⁾ Graefe's Arch. f. Ophthalm., 1875, II, p. 116.—⁵⁾ Zeitschr. f. Psych. u. Physiol. d. Sinnesorg. 1891, II, p. 76.—⁶⁾ Сообщаемъ еще слѣдующія наблюденія изъ протокола Raehlmann'a, относящагося къ оперированному имъ Johann Ruben'y, 19 лѣтъ. Глазныя повязки сняты 28 апрѣля: „4 Mai. Ein kleiner Hund wird dem Kranken in nѣchster Nѣhe vorgehalten, er weiss nicht, welchen Gegenstand er vor sich hat, erklrt jedoch, der Gegenstand sich bewegt, dass er grau ist. Er fhlt denselben an, fhlt die Haare, erkennt aber erst den Hund, als derselbe jetzt zu knurren beginnt... 5 Mai. Es wird ein

Совершенно неправильно было бы думать, будто благодаря ощупыванию они научаются видеть; въ смыслѣ отчетливаго различенія формъ, относительной величины и элементарного рельефа они по прошествіи небольшаго времени послѣ операциіи видятъ вполнѣ такъ, какъ мы*) и вся разница состоитъ въ томъ, что мы удовлетворяемся этимъ видѣніемъ, между тѣмъ какъ они не могутъ удовлетвориться, потому что весь этотъ созерцаемый

braun und weiss gefleckter grisserer Hund dem Patienten vorgestellt: er erklrt das Tier mit einiger Zaghastigkeit schon in der Entfernung von 6 Fuss fr einen Hund... Es wird ihm ein auf Pappe ausgezeichnetes und aufgeschnittenes Bild eines etwa gleich grossen Hundes gezeigt. Nach kurzer Betrachtung erklrt er, dass das, was vor ihm sich befindet, gleichfalls ein Hund sei. Jetzt wird ihm das aufgeschnitte Bild eines Affen gezeigt (hhe 3½ F.), er besicht dasselbe genau und bemerkte dann: „Vielleicht ist das ein Pferd“. (Kurz vorher war ein Wagen mit zwei Pferden auf der Strasse, an welcher das Auditorium dicht angrenzt, vorleigefahren und mglicherweise hat Patient das Rasseln des Wagens und den Hufschlag der Pferde gehört und beachtet)... 6 Mai. Man zeigt dem Patienten eine Flasche in 1 F. Entfernung; er weiss nicht was der Gegenstand bedeutet... Bei wiederholter Aufforderung den Gegenstand zu beschreiben und zu bezeichnen, sagt er, er sehe sonderbar aus. Als man die Flasche schttelt, so dass das in der Flasche enthaltene Wasser pltschert, sagt er, es sei eine Flasche.... Patient wird gefragt, ob er frher bereits ein Pferd betastet htte und ob er sich eine Vorstellung machen knnte von der Gestalt und Grsse eines Pferdes. Er bejaht es mit grosser Sicherheit. „Er habe Pferde am Zgel gefhrt, sei sogar auf denselben geritten“. Darauf wird ihm eine grosse dunkle Flasche in 1 F. Entfernung gezeigt: er betrachtet sie genau und meint schliesslich, dass das wohl ein Pferd sein knne.— Ist dann aber sehr beschmt, als er den Gegenstand betastet und eine grosse 10 Literflasche entdeckt. Der Assistenzarzt bemerkte darauf zum Patienten gewandt, wie es ihm mglich gewesen sei, eine Flasche und ein Pferd zu verwechseln, da beide Gegenstnde doch so grundverschieden seien. Nach einem Zgern antwortet der Patient: Ja, das ist nicht so einfach. Ibid. Raehlmann, Physiologisch-psychologische Studien, p. 76—80, passim.

*) Пациентка Wardrop'a, когда ее спросили во время гуляния, что она видитъ, отвѣтчила: „я вижу очень много; если-бы только я могла сказать, что я вижу, то я должно быть очень глупа (stupide)“. I. e. p. 536.

имп міръ для нихъ висить какъ бы въ воздухѣ, онъ не похожъ ни на что изъ того, что имъ прежде было известно, а потому съ его образами для нихъ не связано ни одной двигательной иннервациі. Вся ихъ практическая жизнь, т. е. совокупность волевыхъ импульсовъ, совершилась до сихъ поръ совершенно въ иной области, въ области полученныхъ на почвѣ осозанія вообразительныхъ представлений, съ которыми волевые импульсы были связаны. Теперь когда образы новаго міра настоятельно привлекаютъ къ себѣ внимание, а практическая жизнь требуетъ воображенія, какъ своей обычной опоры, эти прозрѣвшіе чувствуютъ сильную потребность связать видимые предметы съ прежними воображеніями, а черезъ нихъ съ иннервацими движения, и такимъ путемъ придать новому міру практическій характеръ. Только при гипотезѣ существенного различія и абсолютной несводимости другъ къ другу этихъ двухъ видовъ представлений и можно объяснить то, что прозрѣвшіе чувствуютъ себя такъ неувѣренно и самимъ себѣ кажутся глупыми *) и что много времени должно пройти раньше, чѣмъ созерцаніе такъ же

*) Пациентка Wardrop'a часто повторяла: „I see very deal, but I cannot tell what I do see; I am quite stupid“ I. e. 533.

тѣсно окажется связано съ иннервациими движенія, какъ у родившихся зрячими. Тѣмъ болѣе, что тутъ собственно не одна работа, а двѣ. Послѣ того, какъ удалось тѣсно ассоциировать между собой два вида представленій, и такимъ образомъ, черезъ посредство вообразительныхъ представлений, переходить къ двигательнымъ иннервациямъ, требуется затѣмъ—въ виду того, что практическая жизнь требуетъ быстрой реакціи,—научиться переходить непосредственно отъ созерцанія къ движенію, какъ обходимся безъ всякаго посредства мы, зрячие. Надо забыть старый міръ, образы котораго служатъ теперь только помѣхой *), и слѣд., снова разорвать тѣ ассоціаціи, которыя послужили лишь лѣсами для построенія новаго практическаго міра.

Признаніе этой, безусловно доказываемой всѣми наблюденіями необходимости двоякой выучки, есть эмпирізмъ,—не имѣющій никакого отношенія къ эмпирической теоріи созерцанія.

*) M. Marioniъ разсказываетъ о молодой портниихѣ, оперированной францемъ, которая до операции „se servait habilement de l'aiguille et de ciseaux. Lorsqu'on lui eut rendu la vue, elle ne pouvait plus coudre et n'avait aucune idée de l'impression visuelle que devaient lui faire les ciseaux et l'aiguille, et par suite ne savait interpréter ce qu'elle voyait. Elle prenait son aiguille à contre-sens et ses ciseaux par la pointe. Naturellement l'apprentissage fut vite fait, mais ce fut un apprentissage à réfaire“ (Leçons de psychologie, p. 294. по Grafé).

Философское начало эмпирическимъ теоріямъ созерцанія было положено Гербартомъ, который исходя изъ метафизического понятія о душѣ, какъ о простой субстанці (это черезъ 30 лѣтъ послѣ Кантовской критики рациональной психологіи!) пришелъ къ мысли о невозможности для нея одновременно созерцать множественность образовъ. Затѣмъ Лотце, опираясь на эту мысль, создалъ теорію мѣстныхъ знаковъ, соответствующихъ раздраженію отдѣльного мѣста на сѣтчаткѣ или на кожѣ, но не локализуемыхъ и вообще не имѣющихъ сами по себѣ пространственного характера (распределенія по плоскому полу видѣнія). Позднѣе трудами физіологовъ сложилась стройная теорія, завершителемъ которой является Гельмгольцъ. Вотъ какъ формулируетъ самъ Гельмгольцъ свою основную мысль.

„Основное положеніе эмпирического воззрѣнія состоитъ въ слѣдующемъ: чувственныя ощущенія являются для нашего сознанія знаками, дѣло истолкованія которыхъ предоставлено нашему разуму. Что касается знаковъ, получаемыхъ чувствомъ зрѣнія, то они различаются между собой по интенсивности и качеству т. е. по яркости и цвѣту,

но кромъ того должно быть еще различіе, зависящее отъ раздраженного мѣста сѣтчатки, —такъ называемый *мѣстный знакъ* (Localzeichen). Сверхъ того мы чувствуемъ *степень иннервациіи*, сообщаемой нервамъ глазныхъ мышцъ... Разумѣется, посредствомъ опыта мы узнаемъ, какія добавочныя ощущенія —зрительныя или какія нибудь иныя— вызвать въ насъ видимый нами объекѣтъ, когда мы будемъ двигать глазами, или передви- гать свое тѣло, или осматривать и ощупывать этотъ объекѣтъ съ разныхъ сторонъ и т. д. Совокупность всевозможныхъ такого рода ощущеній, объединенная въ одно общее представленіе, и есть наше *представленіе* о тѣлѣ; мы называемъ его *восприятіемъ*, когда оно подкрѣпляется настоящимъ ощущеніемъ, и *образомъ восприинанія*, если этого нѣть. Такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ—хотя это противорѣчить обычному слово-употребленію—уже представленіе индивидуального объекти есть, собственно говоря, *понятіе*, ибо оно вмѣщаетъ въ себѣ всевозможные агрегаты ощущеній, которые можетъ въ насъ вызвать этотъ объекѣтъ, раз- сматриваемый, ощупываемый или какимъ нибудь инымъ образомъ изслѣдуемый съ раз- ныхъ сторонъ*. *)

*) H. v. Helmholtz. Handbuch der Physiologischen Optik, III Ab.
S. 947—948.

Такимъ образомъ, въ полную противоположность Берклию, который доказывалъ невозможность абстрактныхъ понятій и сводилъ ихъ на рядъ смутныхъ созерцательныхъ представлений, Гельмгольцъ считаетъ всякое созерцаніе понятіемъ.

Въ дѣйствительности, выставленные здѣсь принципы были для Гельмгольца лишь *primum desiderium* *) и отклоненіе отъ нихъ пришлось сдѣлать въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ слишкомъ очевидно, что если бы созерцаніе вполнѣ опредѣлялось истолкованіемъ раздраженій при помощи ума, то мы не имѣли бы неискоренимыхъ обмановъ зрѣнія; поэтому Гельмгольцъ дѣятельность ума ограничиваетъ безсознательнымъ (вѣрнѣе, непроизвольнымъ) потокомъ представлений по ассоціаціи идей **).

Второе ограниченіе вызвано тѣмъ, что изъ одного ума (какъ способности мышленія и пространственного представлениа) никакъ нельзя еще получить какого нибудь конкретного представлениа даже на основаніи безформенныхъ осознательныхъ раздраженій.

*) Послѣдовательное проведеніе этихъ принциповъ привело бы Гельмгольца къ точкѣ зрѣнія Шопенгауера. Ср. приведенную нами на стр. 39, выноску изъ Шопенгауера.

**) Helmholtz, I. c. p. 954, 602.

Для того, чтобы существовало конкретное воображение, необходима должна быть врожденная способность локализовать осознательные ощущения по своему телу. Такъ какъ Гельмгольцъ исходилъ изъ предположенія человѣка, при помощи осозанія вполнѣ ознакомившагося съ окружающими предметами и со своимъ тѣломъ, то онъ молчаливо признавалъ эту врожденность, совершенно такъ же, какъ нативисты признаютъ врожденную способность локализовать въ окружающемъ пространствѣ зрительные раздраженія.

Первый вопросъ, который предстояло решить Гельмгольцу, разъ онъ отрицалъ непосредственное плоскостное созерцаніе, состоялъ именно въ томъ: какимъ образомъ образуется это плоское поле зреенія *)? т. е. какимъ образомъ при помощи опыта мы научаемся качественное различие местныхъ знаковъ переводить въ созерцательное различіе. Разрѣшаетъ онъ это слѣдующимъ образомъ.

Когда мы созерцаемъ предметъ, находящійся на глазной оси, то глазъ остается

*) Подъ этимъ (fläches Gesichtsfeld) слѣдуетъ понимать не действительную плоскость, а только относительное распределеніе пучка визирныхъ линій безъ вниманія къ ихъ длины. I. e. p. 673.

неподвиженъ и никакихъ иннервационныхъ чувствъ мы не испытываемъ. Но если въ периферіи поля видѣнія наше вниманіе привлекаетъ какая нибудь свѣтлая точка, положеніе которой относительно центральной точки (т. е. вправо, влево и т. д.), какъ предполагается, намъ еще неизвестно, то мы начинаемъ вращать глазъ до тѣхъ поръ пока эта свѣтлая точка не вступить въ мѣсто наилучшаго видѣнія. По иннервационному чувству, которое было необходимо для этого перенесенія, мы судимъ о положеніи свѣтлой точки. Съ каждымъ мѣстнымъ знакомъ, следовательно, ассоциируется соответствующее ему иннервационное чувство, а по немъ мы узнаемъ относительное положеніе соответствующей точки; такимъ путемъ мы приобрѣтаемъ относительное пониманіе поля видѣнія и впослѣдствіи научаемся, даже при неподвижномъ глазѣ, кромѣ центрального мѣста наилучшаго видѣнія видѣть и сознавать периферической части *).

Въ этомъ разсужденіи скрыто предполагается, что мы превосходно умѣемъ толковать иннервационное чувство, т. е. не только локализуемъ его въ опредѣленной части

*) I. e. p. 676, 678, 679, 950.

тѣла, подобно осязательнымъ раздраженіямъ, но и опредѣленно представляемъ направление глазной оси при томъ положеніи глаза, которое соотвѣтствуетъ данной иннервациі. Такъ какъ до начала созерцанія не было повода упражнять глазные мышцы, то эта способность толкованія иннервационныхъ чувствъ не могла быть пріобрѣтена, а потому приходится признать, что она врождена людямъ, но тогда вся эта теорія теряетъ свой *raison d'être*, такъ какъ число врожденныхъ, *ad hoc* признанныхъ способностей окажется больше, чѣмъ у нативистовъ.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ, конечно, наоборотъ. Созерцаніе плоскостнаго поля зрѣнія дается непосредственно; пониманіе же значенія различныхъ иннерваций пріобрѣтается въ созерцательныхъ опытахъ *a posteriori*. Такъ напр., оперированной Ward-горомъ дамѣ даже на 18-й день послѣ операции трудно было направить глазъ на тотъ предметъ, который она хотѣла рассматривать *), хотя различіе формъ было для нея

*). Philos. trans. 1826, p. 537. Wardrop разсказываетъ дальше, что даже черезъ полтора мѣсяца послѣ операциі „she was not yet able without considerable difficulty and numerous fruitless trials to direct her eye to an object; so that when she attempted to look at any thing, she turned her head in various directions until her eye caught the object of which it was in search“. I. e. 539.

въ это время уже вполнѣ ясно. Когда ей были показаны ключъ и серебряный рейсфедерь, то она признала ихъ различіе (*she distinguished each with her eye*), хотя не знала, что это за предметы. По ощупыванію она вполнѣ распознала ихъ, но когда они послѣ того были положены передъ ней на столъ, то пациентка не могла сказать, который изъ нихъ ключъ и который рейсфедерь. *) Какъ мы уже говорили, пациенты Hirschberg'a, Hippel'я и Raehlmann'a тотчасъ признали различіе между кубомъ и шаромъ, хотя и не могли ихъ правильно обозначить **). Болѣе простыя геометрическія формы пациентъ можетъ не только отличать, но и правильно обозначить. Такъ, оперированный Францемъ, когда ему показали листъ бумаги, на которомъ былъ на-

*) I. e. p. 538. Если Гельмгольцъ приводить этотъ случай въ подтвержденіе своей теоріи (стр. 737), то это означаетъ только, что онъ самъ иногда смѣшивалъ свою теорію зрѣнія съ Локковскимъ эмпиризмомъ.

**) Приводя такого рода факты, свидѣтельствующіе только въ пользу Локка, но какъ разъ опровергающіе Гельмгольца, эти профессора совершенно напрасно думаютъ, что они подтверждаютъ теорію Гельмгольца. Вообще среди отчетовъ объ оперированныхъ слѣпопорожденныхъ наиболѣе выгодное впечатлѣніе производятъ отчеты англійскихъ хирурговъ. Не зараженные никакими теоріями, они съ поразительнымъ чуткѣмъ приводятъ всегда самые цѣнныя факты и почти ни одна строчка изъ ихъ отчетовъ не пропадаетъ безъ пользы для разрѣшенія обсуждаемаго вопроса. Въ то время какъ пѣмѣцкіе профессора, стараясь подтвердить теорію Гельмгольца, нагромождаютъ кучу пеуживныхъ подробностей, сообщаютъ, напр., о томъ, что ихъ пациентъ изъ 12 попытокъ правильно схватилъ предметъ 11 разъ и, доказывая воззрѣніе Локка, неуклюже ломится въ открытую дверь, — французскіе психологи стараются на основаніи пѣсколькоихъ распросовъ съ поразительнымъ легкомысліемъ нанизать рядъ софизмовъ для опроверженія эмпірической теоріи.

черченъ контуръ квадрата, внутри его кругъ, внутри послѣдняго треугольникъ,—правильно назвалъ всѣ эти фигуры *).

Вообще удивительно, что такой трезвый и проницательный умъ, какъ Гельмгольца, могъ увѣровать въ миѳъ о мѣстныхъ знакахъ, опровергаемый и личнымъ опытомъ и всѣми наблюденіями надъ прозрѣвшими слѣпорожденными **).

*) Philosoph. trans. 1841, p. 64. Когда ему затѣмъ были показаны вырезанные изъ картона дискъ и квадратъ, то онъ сперва назвалъ ихъ кругомъ и четырехугольникомъ, а послѣ вѣкотораго размышленій *дискомъ и квадратомъ* (square). Вотъ какъ самъ пациентъ описывалъ свои ощущенія: „he said that immediately on opening his eye, he had discovered a difference in the two objects, placed before him, and perceived that they were not drawings; but that he had not been able to form from them the idea of a square and a disc until he had perceived a sensation of what he saw in the points of his fingers as if he really touched the objects“. (I. c. p. 65). Это не значитъ, чтобы его созерцаніе зависѣло отъ осознательного воображенія. Видѣлъ онъ, конечно, такъ же, какъ и мы, но мы именно это созерцаніе называемъ понятіемъ (идей) о фигурахъ и съ этимъ понятіемъ у насъ связано слово, между тѣмъ какъ для бывшаго слѣпаго такимъ понятіемъ служитъ то воображеніе, которое у него образуется при осознаніи и о которомъ мы, зрячіе, равнозначично не знаемъ. Поэтому ему надо было мысленно перевести это свое созерцаніе на языкъ осознанія, и только тогда уже онъ могъ дать наименование созерцаемой фигурѣ. Другие пациенты, напр., Hirschberg'a, Hippel'я, Hofme'a, хотя и сознавали различие контуровъ, но не могли указать, въ чёмъ это различіе; и Hofme'u, только направивъ вниманіе своего пациента на углы, удалось научить его правильно обозначать фигуры. Такое различіе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что пациентъ Франца, кромѣ общей даровитости и полученного хорошаго образования, имѣлъ еще ту, рѣдко встрѣчающуюся среди больныхъ катарактой особенность, что его глаза не совершили непрерывныхъ неправильныхъ вращательныхъ движений (*нистагмъ*), а потому могли съ одной стороны долго сосредоточиваться на предметѣ и привыкнуть къ боковому зрѣнію, а съ другой совершать правильныя блужданія взора для освобожденія сѣтчатки отъ остаточныхъ образовъ (*Nachbilder*).

**) Доказанъ изъ наблюдений надъ своей пациенткой, оперированной д-ромъ Troussseau, приходить къ слѣдующему результату, показывающему, что согласие съ Локкомъ не означаетъ еще признания теоріи Гельмгольца: „Le progrès très considerable assurément, qui s'était produit en elle, avait

Въ болѣе умѣренной формѣ эмпирическая теорія признаетъ непосредственность плоскостнаго созерцанія. Но созерцанія рельефа и разстоянія приписываетъ всецѣло опыту, т. е. тѣмъ представлениямъ, которыя были получены въ предшествующемъ опыте. Въ физіологической оптике (§ 30. Wahrnehmung der Tiefdimension) Гельмгольцъ приводить поражающее обиліе наблюденій (достовѣрность которыхъ стоитъ вѣдь всякаго сомнѣнія), показывающихъ какое множество психическихъ факторовъ участвуетъ въ созерцаніи. Вопросъ, слѣд., только въ характерѣ этого участія.

Освѣщеніе, оттѣненіе, воздушная перспектива, далѣе воспоминаніе, узнаваніе предмета, пониманіе формы и сознательно вызванное представлениe, наконецъ передвиженіе собственнаго тѣла, головы или глазъ, бинокулярное зрѣніе и быстрота перемѣщенія въ полѣ зрѣнія,—отъ всѣхъ этихъ обсто-

porté sur d'autres points: distinguer et nommer les couleurs; reconnaître des formes, et peut être même des objets concrets à la seule inspection visuelle, sans avoir besoin de les toucher; joindre aux impressions tactiles les images visuelles etc. Mais la perception des surfaces par l'œil n'avait pas en elle se constituer, étant toute constituée de l'origine... Une personne ouvrant pour la première fois les yeux à la lumière, perçoit immédiatement l'étendue plane, avec les rapports de grandeur et des figures qui peuvent s'y trouver dessinées“, (Générison d'aveugle-né, Revue philosophique, 1889, I, p. 65—66)..

ятельствъ созерцаніе рельефа, величины и разстоянія можетъ видоизмѣняться самымъ разнообразнымъ образомъ. Всъ эти обстоятельства однако сходятся въ одномъ. Заключительнымъ звеномъ въ цѣпи безсознательно протекающихъ представлений является представление того предмета, который имѣется въ созерцаніи. Слѣдуетъ ли однако отсюда, что реальное созерцаніе есть это представление, сливающееся или сопутствующее наличнымъ ощущеніемъ, какъ это думаетъ Гельмгольцъ? или возможно и другое толкованіе, согласно которому представление играетъ роль только предварительного обстоятельства, облегчающаго образование тѣхъ иннерваций, которыхъ необходимы для соответствующаго созерцанія, такъ что разъ эти иннервации достигнуты, то въ здоровомъ тѣлѣ безъ всякаго предшествующаго опыта возникаетъ правильное созерцаніе?

Вспомнимъ прежде всего, что представление бываетъ вообразительное и созерцательное. Нѣть никакого сомнѣнія въ томъ, что первое время послѣ операции слѣпопорожденныне не способны видѣть рельефъ и глубину. Такъ, оперированный Францемъ не отличалъ диска отъ шара и куба отъ выре-

заннаго изъ картона квадрата *), точно также и пациентъ Raehlmann'a **). Интересно однако то, что послѣдній и послѣ того, какъ при помощи осязанія понялъ различіе этихъ предметовъ, слѣд., когда въ воображеніи они были для него уже не одинаковы, по прежнему не былъ въ состояніи отличить ихъ въ созерцаніи, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей точкѣ зрѣнія, по которой воображеніе и созерцаніе другъ къ другу несводимы и изъ первого ни въ какомъ случаѣ не можетъ образоваться второе ***).

Если воображеніе не можетъ ни войти составной частью въ зрительное восприятіе, ни содѣйствовать его образованію, то предшествующія разсужденія могутъ относиться только къ созерцательному представленію. Не сказывается ли, слѣдовательно, вліяніе опыта въ томъ, что созерцательное представление (фантазія, воспоминаніе) сливается съ настоящимъ ощущеніемъ и образуетъ созерцаніе?

*) I. c. p. 65.

**) I. c. p. 76.

***) Надо думать поэтому, что приобрѣтенное имъ черезъ нѣкоторое время умѣніе различать иногда шаръ отъ диска (вѣриѣ: угадывать) не было обусловлено различіемъ созерцаніемъ ихъ, *какъ таковыхъ*, потому что въ то время онъ повидимому еще не былъ способенъ къ рельефному видѣнію, а основывалось, вѣроятно, на какихънибудь случайныхъ несущественныхъ признакахъ. Только по прошествіи мѣсяца онъ могъ безошибочно отличать ихъ.

Однако для *первого* зрительного восприятия во всякомъ случаѣ не можетъ быть никакихъ созерцательныхъ воспоминаній и потому можно установить окончательно, что первое созерцаніе совершенно чисто, безпримѣсно.

Уже одно это должно дать поводъ думать, что *всякое* реальное созерцаніе чисто, а сопутствующее представлениe играетъ роль только элемента, способствующаго образованію необходимой комбинаціи мускульныхъ напряженій. Въ той же главѣ 30, трактующей о такихъ контурахъ, которые могутъ памъ представляться въ противоположныхъ рельефахъ, Гельмгольцъ говоритъ: „Стоитъ только живо представить себѣ ту или другую форму, и на фігурѣ тотчасъ выступаетъ соотвѣтствующее *созерцаніе*“ *) и такимъ образомъ ясно проводитъ различіе между представлениемъ и (реальнымъ) созерцаніемъ. Если мы кромѣ того, примемъ во вниманіе, что перенесеніе понятія о химическомъ соединеніи на психическія явленія представляетъ собой схоластической пріемъ, то можемъ считать доказаннымъ, что реальное созерцаніе или созерцательное восприятіе свободно отъ вся-

кихъ представлений, какъ созерцательныхъ такъ и вообразительныхъ. Для его образованія необходима только опредѣленная комбинація мускульныхъ напряженій; у человѣка, только прозрѣвающаго, могутъ случайно возникнуть иннервациіи, какъ разъ соотвѣтствующія находящимся передъ нимъ предметамъ,—тогда онъ сразу увидитъ ихъ рельефно. Если этого не случится, то онъ будетъ на тысячи ладовъ видоизмѣнять комбинаціи до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, какъ слѣдуетъ. Кромѣ иннерваций аккомодационныхъ и положенія глаза, которая должны тончайшимъ образомъ и непрерывно измѣняться при блужданіи взора по полю зреенія, существуютъ еще аккомодациіи вниманія, которое направляется преимущественно на поле зреенія то одного, то другого глаза, и даже въ полѣ зреенія каждого глаза оно направляется то на одну, то на другую его половину. При выполненіи требующихся условій пространственное созерцаніе наступаетъ помимо какихъ бы то ни было предшествующихъ психическихъ явленій. Но обыкновенно для достижениe этихъ условій требуется выучка и время.

Въ числѣ другихъ доводовъ, которыми

*) I. c. p. 771.

Гельмгольцъ старается обосновать свою теорію, важное мѣсто занимаетъ еще слѣдующій. Если даже допустить возможность непосредственного (безъ помощи осязательного опыта) созерцанія взаимоотносительного расположенія, вещей въ полѣ зрењія и ихъ рельефности, то все таки знаніе *абсолютнаго положенія*, т. е. горизонтальности или вертикальности, верха и низа, правой и лѣвой стороны (а это есть положеніе относительно нашего тѣла, значитъ, собственно говоря, тоже относительное), мы должны, приписать осязательному опыту, ощупыванію. *) Это, слѣдовательно, еще болѣе умѣренная форма эмпиризма.

Однако, здѣсь очевидное недоразумѣніе. Свое тѣло есть такой же предметъ созерцанія, какъ и всѣ прочіе. Разъ мы можемъ непосредственно созерцать взаимоотношеніе образовъ и ихъ рельефъ, то пониманіе положенія предметовъ въ отношеніи къ нашему тѣлу есть лишь частный случай непосредственного созерцанія. На периферическихъ частяхъ поля зрењія безпрерывно появляются въ разныхъ видахъ части нашего тѣла; съ ними намъ чаше всего приходится имѣть дѣло и

*) I. c. § 29, p. 750.

потому ихъ мы раньше всего научаемся видѣть рельефно. Въ отношеніи къ разнымъ членамъ видимаго тѣла мы опредѣляемъ видимые виѣшніе предметы, какъ находящіеся направо, налево, вверху, внизу; по параллельности или перпендикулярности этихъ предметовъ къ нашему тѣлу мы судимъ объ ихъ вертикальности или горизонтальности (ср. опытъ Aubert'a). Созерцанія, слѣд., совершенно достаточно для опредѣленія абсолютнаго положенія созерцаемыхъ предметовъ. Но мало того. Мы постараемся теперь показать, что созерцаніе *необходимо*, и что, наоборотъ, вообразительное представление нашего тѣла, какъ оно дается осязаніемъ, совершенно не въ состояніи дать намъ знанія абсолютнаго положенія видимыхъ вещей.

Подобно тому какъ логическое различеніе видовыхъ понятій возможно только на фонѣ качественной однородности, общности родового понятія, такъ и опредѣленіе относительного пространственного положенія возможно только въ сфере *можественнаго* пространства, слѣд., только между такими образами, которые принадлежатъ одному и тому же пространству. Такимъ образомъ, изъ приз-

нанія существенnoй разнородности воображительного и созерцательного пространства,—а это признаніе лежитъ въ основѣ всѣми раздѣляемаго воззрѣнія Локка—съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что между образами, принадлежащими этимъ разнымъ мірамъ, не можетъ быть никакихъ отношеній, и что, слѣд., вопросъ объ опредѣленіи положенія *видимыхъ* виѣшнихъ предметовъ въ отношеніи къ своему *воображаемому* тѣлу, есть самъ по себѣ nonsens, а потому и отвѣты на него,—безразлично въ эмпирическомъ или нативистическомъ духѣ,—одинаково безмысленны.

Неоднородность двухъ видовъ пространства и невозможность устанавливать какія бы то ни было отношенія между ними, очень характерно обнаружилась въ показаніяхъ мальчика, оперированнаго Chesseldenомъ: „Онъ не могъ себѣ представить какихънибудь линій виѣ того пространства, которое онъ видѣлъ; что комната, въ которой онъ находился, есть часть дома, это, по его словамъ, онъ зналъ; но онъ совершенно не могъ понять, какъ это весь домъ можетъ выглядѣть больше комнаты“.* Очевидно, отноше-

ніе между воображаемой комнатой и *воображаемымъ домомъ* было для него вполнѣ ясно, но такъ какъ созерцательного представленія о домѣ для него еще не существовало, то понятно его удивленіе, когда ему сказали, что та комната, которую онъ видѣтъ, меныше дома.

Если бы можно было какимъ нибудь способомъ помѣшать прозрѣвшему слѣпорожденному видѣть какую бы то ни было часть своего тѣла, то, сколько бы онъ ни ощупывалъ созерцаемые предметы и ни передвигалъ ихъ, весь видимый міръ будетъ для него только прекрасной мечтой, воздушнымъ замкомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ его тѣлу, ибо практическимъ міромъ для него останется воображаемое черезъ осязаніе пространство. Вопросъ о пространственномъ положеніи видимыхъ предметовъ въ отношеніи къ воображаемому (данному въ осязаніи) тѣлу показался бы ему такимъ же безмысленнымъ, какимъ для насть является вопросъ о положеніи видимыхъ во снѣ предметовъ относительно реального тѣла. Если бы даже этотъ прозрѣвшій видѣлъ прежде свое тѣло, но такъ, что въ это время для него былъ закрытъ виѣшній міръ, словомъ

* Philosoph. transact. 1728, abr. p. 236.

если бы ему не было дано одновременного созерцанія виѣшняго міра и своего тѣла и, слѣд., непосредственнаго созерцанія ихъ относительного положенія, то никакіе опыты осязанія не помогли бы ему решить вопросъ, куда надо направить видѣнное тѣло въ созерцаемой теперь комнатѣ: къ потолку, стѣнамъ или къ полу? а слѣд., и вопросъ о томъ, какое изъ видимыхъ направленій вертикальное, какое горизонтальное, гдѣ верхъ, гдѣ низъ, правая и лѣвая сторона? *Созерцаніе положенія предметовъ относительно себя дается только одновременнымъ созерцаніемъ виѣшнихъ предметовъ и своего тѣла* *).

То же, что мы сказали о положеніи, относится и къ вопросу объ абсолютной величинѣ предметовъ и ихъ разстояніи отъ насъ.

Прежде всего надо, конечно, помнить, что говорить о разстояніи созерцаемаго образа

*.) Въ описанияхъ наблюденій надъ оперированными слѣпопорожденными я нашелъ одинъ случай, имѣющій отношеніе къ данному вопросу. Францъ поставилъ передъ своимъ пациентомъ листъ бумаги, на которомъ были начертаны двѣ черныхъ полосы крестъ на крестъ, и попросилъ его указать пальцемъ горизонтальную линію. Медленнымъ, нерѣшительнымъ, какъ бы ощупывающимъ движеніемъ поднесъ пациентъ руку къ бумагѣ и указалъ на вертикальную. Затѣмъ, подумавъ немного и какъ бы понявъ свою ошибку, перевелъ палецъ и указалъ правильно (Phil. trans. 1841, p. 64). Очевидно, сперва онъ ошибочно считалъ свое тѣло совпадающимъ по направленію съ горизонтальной черной полоской и потому указалъ на вертикальную линію, какъ на перпендикулярную къ своему тѣлу; но тутъ по положенію своей руки, которую онъ замѣтилъ рядомъ съ начертанными линіями,—понять истинное положеніе дѣлъ и исправился.

отъ воображаемаго тѣла совершенно невозможно. Разъ достигнуто рельефное созерцаніе, а слѣд., и созерцаніе глубины, то свое тѣло созерцается въ общемъ пространственномъ мірѣ, и разстояніе предметовъ отъ него опредѣляется точно такъ же въ непосредственномъ созерцаніи, какъ и разстояніе какихъ угодно другихъ выдающихся предметовъ между собой. Я совершенно не вижу какой нибудь разницы въ этомъ отношеніи. Отсюда слѣдуетъ, что осязательный опытъ вовсе не нуженъ для сужденія о разстояніи.

Здѣсь надо замѣтить, что очень многіе наблюдатели впадали въ ошибку, когда оправильномъ созерцаніи разстоянія своего пациента судили по умѣнью быстро, безъ долгихъ ощупываній, схватывать рукой предстоящій предметъ. Мы уже говорили, что пріобрѣтеніе навыка къ движеніямъ въ новомъ мірѣ можетъ сильно запаздывать по сравненію съ развитіемъ зрѣнія. Возможно, поэтому, что оперированный, для котораго поле зрѣнія уже совершенно такъ же ясно, какъ и для насъ, и который, слѣдовательно, совершенно отчетливо видѣть разстояніе предметовъ отъ своего тѣла, будетъ не попадать рукой на предметъ, а хватать впереди или

позади его,—если у него еще не образовалось тѣсной и непосредственной ассоціації между созерцаніемъ и соотвѣтствующими мышечными иннервациями^{*)}.

Конечно, когда поле зрења еще не настолько отчетливо, чтобы оперированный могъ одновременно видѣть и предметы и свое тѣло въ соотвѣтствующихъ рельефахъ, то *созерцаніе* разстоянія невозможно. Тогда отрывочно созерцаемые образы играютъ для него ту же роль, какъ для настѣ, напр., звуки, т. е. роль знаковъ, по которымъ онъ старается угадать разстояніе воображаемаго предмета отъ своего воображаемаго же тѣла, ибо практическимъ міромъ для него остается міръ вообразительныхъ представлений. Это гаданіе совершается или на основаніи неза-

^{*)} Wardrop разсказываетъ, что еще на 18-ый день послѣ операциіи для его пациентки „было чрезвычайно трудно опредѣлять разстояніе предметовъ; такъ, когда какой нибудь предметъ держали близко передъ ея глазами, она протягивала руку далеко за нимъ, а въ другихъ случаяхъ искала рукой у самаго лица предмета, который былъ далекъ отъ нея“. (Phil. tr. 1826, p. 538). Что дѣло именно въ отсутствии заученныхъ иннерваций, доказывается тѣмъ, что ощущеніе рукой происходит не только впереди или позади предмета, но также и справа или слѣва отъ него. См. напр. Grafé: „Cette impuissance ou ces tâtonnements ne se manifestent pas seulement dans le sens de la profondeur ou du prolongement de ses rayons visuels. Plusieurs fois V. Breset, voulant enlever une chaise placée devant lui de profil, abaisait sa main à droite ou à gauche du dossier, avant de réussir à rencontrer celui-ci“. Revue scientifique. 1892, p. 73. Ср. также Wardrop: „When desirous of examining an object she moved her hand in various directions as a person, when blind-folded or in the dark, gropes with his hands for what he wishes to touch“ (l. c. p. 537).

мѣтныхъ для настѣ звуковъ, въ различеніи которыхъ слѣпые бываютъ обыкновенно еще болѣе тонки, чѣмъ въ осознательныхъ ощущеніяхъ, или на основаніи уже составленныхъ послѣ операциіи правилъ, напр., представлять себѣ одинъ и тотъ же предметъ тѣмъ дальше въ вообразительномъ пространствѣ, чѣмъ меныше его созерцаемый образъ. Большая часть наблюденій Hirschberg'a и Ширреля^{**)} именно такого рода. Пока всѣ предметы (а, слѣдовательно, и части своего тѣла) представляются находящимися на одной плоскости, совершенно невозможно говорить о томъ, на какомъ разстояніи кажется эта единственная плоскость. Все, что выказывается пациентъ въ этихъ случаяхъ, не имѣетъ никакого отношенія къ созерцанію такого разстоянія (т. е. созерцанію глубины), потому что тогда для созерцанія вообще не существуетъ другаго разстоянія, кроме разстоянія по самой плоскости.

Здѣсь же будетъ кстати коснуться одного довольно извѣстнаго миѳа, распространившагося на основаніи наблюденій Chesselden'a, Home'a и другихъ. Полагаютъ именно, что въ первые дни послѣ операциіи пациентъ

^{**) Grafé's Archiv für Ophthalm. 1875, I и II.}

видить всѣ предметы касающимися его глазъ. Такъ какъ въ первые дни о своихъ глазахъ, а часто и о своемъ тѣлѣ, онъ не имѣеть другаго представлениѧ, кромѣ основаннаго на осозаніи вообразительнаго, то приведенная фраза не имѣеть ровно никакого смысла. Въ дѣйствительности, дѣло заключается, вѣроятно, въ томъ, что отрывочные созерцаемые образы, какъ бы они ни представлялись, рельефно или на плоскости, ассоциируются въ умѣ оперированнаго сѣтью особенными (осознательными и мускульными) ощущеніями въ глазу, которые онъ испытывалъ во время и послѣ операциіи, и его показаніе обозначаетъ только *вмѣненіе* видимыхъ образовъ глазу, какъ причинѣ,—совершенно подобно этому мы говоримъ, что звенитъ въ ушахъ, когда не въ состояніи локализировать слышимыхъ звуковъ.

Во всѣхъ разсужденіяхъ этого рода надо не упускать изъ виду, что въ первичномъ плоскомъ полѣ нашего зрѣнія на его периферіи находится изображеніе частей пашего тѣла, изъ котораго впослѣдствіи, при развитіи рельефнаго видѣнія, образуется созерцаніе себя, какъ особеннаго тѣла въ окружающемъ пространствѣ. До тѣхъ-поръ, пока не

образовалось яснаго *созерцательнаго* представлениѧ о своемъ тѣлѣ, практическимъ міромъ остается міръ вообразительныхъ представлений.

Относительно абсолютной величины предметовъ имѣются согласныя между собой показанія мальчиковъ, оперированныхъ Bribosia и Chesselden'омъ.

„Зала, въ которой онъ находился,—рассказываетъ Grafé о первомъ—представлялась ему огромной и предметы въ ней казались гораздо большими, чѣмъ впослѣдствіи. Этотъ пунктъ, повидимому, произвелъ на него сильное впечатлѣніе, такъ какъ онъ возвращался къ нему нѣсколько разъ и, такъ сказать, по собственному желанію рассказывалъ мнѣ о немъ, когда я въ самой общей формѣ просилъ его разсказать о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ“.*.) Въ дѣйствительности, величина есть понятіе относительное и опредѣляется по отношенію къ своему тѣлу, какъ къ единицѣ измѣренія. Различіе кажущейся величины мы должны свести къ различію въ единицѣ длины. Самымъ вѣроятнымъ

*.) Revue scientifique, 1892, p. 73. Ср. также Chesselden: „At first the things he saw he thought extremely large... Now being lately caughed of his other eye, he says, that objects at first appeared large to this eye but no so large as they did at first to the other“ (Phil. tr. 1728, p. 236—237)

предположеніемъ для объясненія описаннаго явленія будеть, поэтому, слѣдующее: при первыхъ созерцаніяхъ свое тѣло представляется меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ дѣйствительности, или, лучше сказать, чѣмъ впослѣдствіи; это можетъ произойти или потому, что вначалѣ все кажется чужимъ, даже части своего дѣйствительного тѣла, а потому мы при попыткахъ вообразить свое тѣло вынуждены представить его себѣ меньшимъ, чѣмъ все, что видимъ,—следовательно, очень маленькимъ, или мы лишь верхнюю часть тѣла признаемъ своей, или, наконецъ, все тѣло вслѣдствіе непривычки къ рельефному созерцанію представляется въ перспективѣ меньшимъ. Во всякомъ случаѣ, остальные предметы могутъ казаться увеличенными только въ отношеніи къ уменьшенному своему тѣлу. *)

Такъ какъ по поводу эмпирическихъ теорій мы уже въ достаточной степени высказали свое возрѣніе, то въ изложеніи остальныхъ теорій будемъ кратки.

Слѣдя обратному порядку начнемъ теперь съ самыхъ умѣренныхъ формъ пати-

*) То объясненіе (въ эмпирическомъ духѣ: изъ медленности движения глазъ), которое даетъ Grafe, не имѣть никакого смысла.

визма. Это—возрѣніе Канта, рассматривающее созерцательную способность, какъ особенную, ни къ чему несводимую способность *субъекта познанія*. Съ этой формой пативизма въ связи съ эмпиризмомъ Локка мы совершенно согласны.

Слѣдующая форма пативизма, которая главнымъ образомъ имѣется въ виду въ спорѣ съ эмпирическими системами, характеризуется предположеніемъ, что человѣку врождено знаніе положенія созерцаемыхъ образовъ относительно своего тѣла. При этомъ Мюллеръ полагалъ, что мы обладаемъ врожденной способностью, созерцая изображеніе, въ то же время непосредственно сознавать его, какъ находящееся именно на сѣтчаткѣ глаза внутри нашего тѣла (стало быть, воображаемаго). Такъ какъ однако, изображеніе на сѣтчаткѣ расположено обратно по отношенію къ реальнымъ тѣламъ, то, слѣд., по мнѣнію Мюllera, созерцаемый міръ, представляющій собой только рельефное углубленіе сѣтчаточнаго изображенія, есть извращенный міръ по отношенію къ реальному міру и созерцаемое свое тѣло обратно непосредственно сознаваемому тѣлу. Очевидно, Мюллеръ, счи-тавшій себя продолжателемъ Канта, совер-

шенно не подозревать, что плоское изображение, изъ которого рождается весь реальный міръ вмѣстѣ съ собственнымъ тѣломъ, созерцается не тѣмъ же реальнымъ человѣкомъ, а трансцендентнымъ субъектомъ. Для пониманія ошибочности теоріи Мюллера надо обращать вниманіе не на предполагаемую имъ *врожденность* знанія пространственного отношенія между воображаемымъ и созерцаемымъ міромъ, а вообще на признаваемую имъ *возможность какихъ бы то ни было отношеній* между этими двумя мірами, потому что отрицать врожденность и приписывать это знаніе (осознательному) опыту было бы одинаково ошибочно. Кромѣ того, на основаніи всего предыдущаго, для читателя, я думаю, вполнѣ ясна также полная ненужность вообще этой гипотезы о непосредственно-сознаваемомъ тѣлѣ, такъ какъ вѣдь созерцаніе своего тѣла дано въ полѣ зрењія трансцендентного субъекта вмѣстѣ со всѣми остальными предметами.

Послѣднія два замѣчанія въ полной силѣ относятся и къ слѣдующимъ нативистическимъ системамъ Фолькмана и Геринга.

Фолькманъ полагалъ, что созерцается не сѣтчаточное изображеніе, но результатъ

передачи раздраженій зрительныхъ нервовъ къ мозгу; и врожденная способность состоять въ томъ, что поле зрењія, образующееся черезъ проекцію сѣтчаточного изображенія наружу по направлению визирныхъ линій (слѣд., въ прямомъ положеніи по отношенію къ реальности), непосредственно сознается нами, какъ находящееся въ нашего тѣла.

Наконецъ Герингъ, завершившій нативистическую систему въ полную теорію пространственного видѣнія, полагалъ, что каждому мѣсту сѣтчатки соответствуетъ въ мозгу особенное чувство широты и высоты съ одной стороны (вмѣстѣ опредѣляющія направление) и глубины съ другой стороны, изъ совокупности которыхъ, какъ изъ трехъ измѣреній прямоугольной системы координатъ, создается пространственное видѣніе, такъ какъ ими опредѣляется расположение всѣхъ точекъ относительно нѣкоторой начальной точки, черезъ которую проходитъ основная плоскость зрењія (*Kernflâche des Sehraumes*). Знаніемъ положенія этой точки (соответствующей мѣсту наплегчайшаго сведенія осей) относительно нашего (воображаемаго) тѣла человѣкъ обладаетъ непосредственно отъ рожденія.

Неемотя однако па совершенную неудовлетворительность этихъ теорій съ философской стороны, поскольку въ основѣ ихъ необходимо предполагается трансцендентный реализмъ и параллелистическое пониманіе отношенія между душой и тѣломъ, онъ могутъ имѣть научное значеніе. Существуетъ именно научно-техническая задача: найти законъ (т. е. основаніе познанія), по которому можно было бы каждый разъ опредѣлять міръ воспріятій посторонняго человѣка, когда даны сътчаточные изображенія на обоихъ глазахъ его. Этой задачѣ отвѣчаетъ нативистическая система, хотя, разумѣется, только приблизительно. Если по эмпирической теоріи вначалѣ мы испытываемъ только качественно различныя раздраженія, изъ которыхъ лишь впослѣдствіи, при помощи воображенія, вырабатывается пространственное созерцаніе, то соотвѣтственно нативистическому воззрѣнію (въ формѣ Геринга) мы должны были бы съ самаго начала видѣть совершенно такъ же хорошо, какъ и впослѣдствії, и всегда одинаково. Но и то, и другое опровергается опытомъ.

Самая крайняя форма нативизма, безусловно противорѣчаща существующимъ па-

блуденіямъ, предполагаетъ, въ противоположность Локку, врожденное сознаніе тожества зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій объектовъ.

Что касается Шопенгауера, то онъ совершило правильно относилъ созерцаніе къ трансцендентному субъекту, и поставленную имъ себѣ задачу можно понимать, какъ попытку найти *путь отъ изображенія на сътчаткѣ къ непосредственному объекту*, представляющему трансцендентному „я“. Въ этихъ промежуточныхъ процессахъ Шопенгауэръ считалъ необходимымъ признать дѣятельность ума (чье?), восходящаго отъ следствія къ причинѣ. Такъ какъ, однако, феноменальный міръ возникаетъ изъ трансцендентнаго черезъ погашеніе одной его части, а сама эта часть—плоскостное изображеніе непосредственного объекта, составляющее вишицу моста отъ міра трансцендентнаго къ феноменальному—измѣняется въ зависимости отъ условій только своего же трансцендентнаго міра, то въ развертывающемся передъ нами реальному міру намъ никогда не можетъ быть дана причина образованія этого плоскостного изображенія; попытка Шопенгауера, поэтому, заранѣе обречена на

неудачу. Плоскостное изображеніе, являясь исходнымъ пунктомъ, причиной являющагося, созерцаемаго міра,—само однако никакъ не можетъ быть понято нами, какъ слѣдствіе чего нибудь. *)

Резюмируемъ вкратцѣ основныя положенія этой главы.

1) Воображаемое и созерцаемое пространство существенно различны между собой, а потому съ одной стороны нельзя второе сводить на первое или отождествлять ихъ, какъ это дѣлаетъ эмпирическая школа, а съ другой стороны нельзя устанавливать какое-нибудь отношение между элементами того и другого пространства; противъ послѣдняго повинны обѣ школы.

2) Ученіе о мѣстныхъ знакахъ, какъ

*) Что касается чрезвычайно важной для теоріи зѣбій литературы обѣ опироющихся слѣпопорожденныхъ, то неречеи ея до 1894 г. находятся въ приложении къ соч. Helmholz'a „Handbuch der Physiologischen Optik“. § 28. Къ классическимъ работамъ принадлежатъ неѣ вообще работы, помещенные въ „Philosophical transactions“, но въ особенности таковыми считаются наблюдения Chesseldeна (1728 г.) и Wardrop'a (1826 г.). Послѣдний случай замѣчателенъ особенно тѣмъ, что послѣ первой неудачной операции (сдѣланной на 6-мъ мѣсяцѣ отъ рожденія) одинъ глазъ у пациентки былъ совершенно разрушенъ, а въ другомъ врачекъ заросъ, такъ что виродоаженіе 46 лѣтъ (до второй операции, произведенной Wardrop'омъ) эта лада была вполнѣ устранина отъ видимаго міра и могла отличать только день отъ ночи, между тѣмъ какъ обыкновенно больные cataracta congenitalis сквозь помутнѣвшій хрусталикъ способны различать не только день и ночь, но и особенно яркие предметы (солнце, сѣвѣчку, блестящія вещи, часто двѣта, иногда даже (слабо) контуры яркихъ предметовъ).

безформенныхъ зрительныхъ раздраженіяхъ, есть миѳологія.

3) Созерцаніе плоскостнаго поля зѣбія не только ни къ чему несводимо, но и непосредственно—въ этомъ права пативистическая школа; созерцаніе положенія, рельефа и разстоянія тоже ни къ чему несводимо, но требуетъ выучки иннерваций—съ теоріей пативистовъ это несовмѣстимо.

4) Непроизвольный потокъ представлений играетъ лишь косвенную роль въ пространственномъ созерцаніи, какъ облегчающей до-стиженіе требуемыхъ иннерваций. Указаніе на этотъ психической факторъ есть заслуга эмпирической школы, которая однако неправильно его истолковала.

5) Законы пативистической школы могутъ имѣть значеніе (и притомъ приближительное) только, какъ основаніе познанія.

6) Объяснить по принципу основанія быванія то плоскостное изображеніе, которое служитъ исходныхъ пунктомъ первичаго поля зѣбія,—невозможно, ибо само это изображеніе и дѣйствительныя причины его измѣненій лежать въ иномъ мірѣ. Въ этомъ ошибка Шопенгауера.

7) Міръ воспріятій принадлежитъ трансцендентному субъекту. Это признавалъ Шопенгауеръ.